

Татьяна Брукс

Душа

Моим бабушке Анне Никифоровне и деду Василию Павловичу посвящаю. Земной поклон вам. Знаю: танцуя на небесах, вы смотрите на меня...

Помолитесь обо мне. Помолитесь, чтобы я человеком стал

Антоний Сурожский. «Апостол любви»

1

Душа сидела на пригорке на маленьком туманном облачке, пригорюнившись. Конечно, она могла бы присесть на один из гладких теплых камней, которых было тут в избытке, но на облачке всё-таки помягче. Была середина сентября и по утрам камни, начинающая желтеть трава и всё вокруг покрывалось росой — красиво, и Душе, в которой еще осталось немного тепла живого тела, не хотелось нарушать прелестную гармонию утра.

Впереди открывался воистину прекрасный вид. Очаровательная долина, покрытая легким туманом, а за ней зеленоватой тенью вырисовывался лес. Стройные корабельные сосны стремились пронзить

рассветное небо своими колючими вершушками. Солнце, готовое объявить во всеуслышание о наступлении нового дня, окрасило всё небо в желто-розовые тона. Жизнь готова была взорваться шумом и движением, а пока стояла звонкая тишина...

Душа была красива. Ясно-голубая с небольшими переливами зеленого и розового в сиянии серебра. И серого в ней было совсем немного, так думала она, но его на самом деле было столько, что не давало ей возможности перейти на следующий уровень по лестнице Совершенства. Серость — главный враг Душ, стремящихся взойти на верхнюю ступень Совершенства. Душа стремилась, но у неё пока не получалось.

И Душа грустила.

— Почему же опять всё так неудачно? — рассуждала она, — я так старалась... Прожила такую длинную судьбу в теле Виктории. Я же и выбрала эту судьбу потому, что люди, у которых родилась эта девочка, собирались назвать её Викторией — победа. Но не слышала она меня, поступала так, как велел ей разум, так что ж?

Виктория была еще жива, но её восьмидесятилетнее тело вот уже две недели находилось в коме и функционировало только с помощью агрегата искусственного дыхания. Отказывали почки, но сердце всё еще гнало кровь по сосудам. Врачи и родственники решали, как долго имело смысл поддерживать женщину в состоянии «живом». Такое состояние, когда человек еще не умер, но уже и не

вполне жив, позволяло Душе на короткое время покидать тело.

Душа знала, что когда физическое тело Виктории умрёт, то она воспарит в Мир Великой Гармонии и Покоя. Там Души ждут своего часа, когда, покинув предыдущее человеческое тело, придет время вселиться в новое. Иногда этот промежуток времени в сто лет, иногда — в тысячу, а бывает, что и в десять тысяч лет.

Но там, в Мире Великой Гармонии, им, Душам, живется очень хорошо — спокойно и свободно. Там есть всё, что душе угодно, извините за каламбур, а главное, они могут общаться друг с другом и делиться историями судеб людей, в телах которых были прожиты предыдущие жизни.

Но Виктория еще дышала, и Душа не могла улететь. Она должна была находиться поблизости, чтобы вернуться к старой женщине, когда будет нужно. Тогда у Виктории появится возможность сказать последнее «прости» и «прощай» своим родным, если таковые окажутся рядом. А это должно произойти уже сегодня в два часа дня. Душу уже предупредил об этом Совет Великой Гармонии.

Вот почему почти всегда ум человека догадывается, что пришло время умирать. Тело чувствует. Душа знает это точно.

Так ничего и не придумав, Душа совсем уж было собралась вернуться к своим обязанностям: провести разум и тело Виктории через последний день судьбы, как вдруг услышала нежный звук колокольчика. Так

Великий Совет вызывал Души для беседы. Звон этот Души и любили, и нет. Они радовались ему, когда находились в ожидании: это означало, что должно поступить следующее предложение выбрать судьбу и прожить жизнь на Земле. И огорчались, когда слышали этот звон, находясь в теле, потому что это означало, что время человека закончилось, судьба пройдена, и Душе предстоит покинуть его и вернуться в Мир Великой Гармонии и Покоя, приблизившись на одну ступень к Совершенству или, что чаще бывает, нет.

Колокольчик настырно звал Душу предстать перед Советом.

— Что же это такое? — нервничала она. — Я же точно знаю, что у Виктории есть еще полдня. А вдруг она сделает что-то очень важное, примет какое-то ответственное решение, и я смогу продвинуться ну хоть на полступеньки к Совершенству? Иногда так бывает. Люди проживают свою жизнь серо, бесцветно и безалаберно или даже грешно, а на смертном одре принимают какое-нибудь очень важное решение и совершают поступок, который сразу возвышает Душу и даёт ей возможность приблизиться к Совершенству.

Но делать было нечего, Душа покинула своё облачко и влетела в Зал Справедливости. Там её ожидали Вершителю, и она с трепетом опустилась на предложенное ей кресло.

Ей понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя.

«Как, однако, странно, — лепетала она, — у меня, конечно, небольшой опыт, и я многого не понимаю, но

как же это можно понять?»

Каждый раз, когда наша Душа представляла перед Советом Великой Гармонии, её одолевали сомнения. Она удивлялась несоответствию внешней оболочки и внутреннего содержания Вершителей с её, Души, точки зрения. Как они должны были выглядеть, Душа и сама не знала, но совсем не так, как было здесь, в Совете. Но что поделаешь: когда проводишь столько лет в человеческих телах, невозможно, чтобы ум и сердце не оставляли свой отпечаток на мировоззрении Души. Великий Совет так и не признал её достойной продвинуться к Совершенству. Это означало только одно: она не сумела убедить человека прислушиваться к ней, Душе. Он делал то, что диктовало ему тело или разум. Или не делал и этого... Возможно, подчинялся правилам, которые создавали для него другие люди или которые он сам для себя придумывал, возможно, был прилежным учеником и добросовестным работником. Да, мог быть хорошим членом общества и примерным семьянином, но сам он не стал свободнее, чище, мудрее. Не услышал Душу. Не понял чего-то главного. Её задачей было «достучаться» до разума и далее вместе с ним вести человека к достижению высоких целей. Каких целей? Чего человек должен был достичь, Душа тоже пока не знала. Она не была еще в теле такого человека, который прожил свою Судьбу так, чтобы понять что-то очень важное. Стал сильным, свободным, мудрым. Нет, такие Люди, конечно, есть, но их тела доверяют другим Душам. Может, более опытным, может, более возвышенным или ярким.

2

Совет состоял из двух участников — Вершителей. Никакого «большинства» и «меньшинства» голосов здесь не было. Либо Вершители договариваются и принимают решение, либо решение принимает Он. Тот единственный всемогущий, кто стоит над Вершителями. Он — Совершенство. И тогда... что будет «тогда», Душа не представляла, но она знала, что Ему поклоняются даже Вершители.

Члены совета могли принимать любой облик или быть невидимыми, представая перед Душами. Иногда они даже показывались людям, что случалось крайне редко. Души проводили много времени на Земле, поэтому члены Совета в общении с ними часто принимали облик людей. Наша Душа, во всяком случае, видела их только такими.

Один из Вершителёв Совета Великой Гармонии мог предстать в обличье мужчины или женщины, но всегда был старым. Лицо и тело его покрывали глубокие морщины. Волосы могли быть седыми или даже совершенно белыми. Иногда это была красивая стрижка или укладка, иногда на голове у Вершителя был совершенный беспорядок, как будто хулиган-ветер невидимой пятернёй растрепал волосы по своему усмотрению. Но в сочетании с ясными и живыми зелеными глазами «он» или «она» выглядели невероятно

привлекательно. Одежды всегда были яркими, иногда самых неожиданных цветов и комбинаций. Например, синего и зеленого. Или зеленого и красного, жёлтого и голубого... Люди считают сочетания этих цветов негармоничными, некрасивыми. А зря. Что может быть прекраснее жёлтого солнца или зеленого дерева на фоне голубого неба? Или возьмите хотя бы розу. Зеленые стебель и листья и красный или розовый цветок. Красиво? Не спорьте, красиво!

Богатые, часто очень старинные, ювелирные изделия украшали шею и пальцы этого члена Совета. Но самое поразительное, от «него» или «неё» всегда исходили тепло и небывалая энергия, как от солнца.

Сегодня перед Душой стояла женщина в небесно-голубом платье времен Людовика Красивого. Золотая подвеска с жёлтыми цитринами украшала её тонкую морщинистую шею. Пальцы рук унизаны перстнями. На голове тиара с голубыми сапфирами, белыми бриллиантами и такими же пронзительно желтыми камнями, какие были в кольцах и в колье.

Двигалась старуха на удивление легко и быстро. Эмоционально и волнующе. Она улыбалась. И улыбка ее была сияющей, что, казалось, не вязалось с почтенным возрастом, немного озорной.

Второй участник Совета всегда представлял в обличье женщины. Неизменно. Сегодня она была прямой противоположностью зеленоглазой кокетке. Молодая. Прекрасные черты её лица были настолько правильными и безупречными, что казалось невероятным, будто такое возможно. Темные, почти

чёрные волосы идеально уложены в строгую причёску, из которой не выбивался ни один волосок. Пронзительно голубые, но совершенно холодные глаза.

От нее самой исходил холод. Холод и покой. Двигалась она, несмотря на то, что была молода, медленно и томно. Ни одного лишнего движения. Иногда надолго замирала в самой невероятной позе и подолгу, не отводя взгляда, смотрела в одну точку. Одета всегда в простое, безукоризненно сидящее на её совершенной фигуре черное платье. И никаких украшений. Она тоже улыбалась. Но улыбка её была грустной, как будто вымученной.

Душа никак не могла понять, почему Вершителю выглядят именно так, а не иначе. Она всегда хотела, чтобы они выглядели по-другому потому, что она знала, кто они.

3

— Мы пригласили тебя, — молодая женщина начала говорить медленно, с придыханием, — для того, чтобы дать тебе шанс перейти в новое человеческое тело.

— Но я всё ещё с Викторией... — растерялась Душа, — у неё же еще есть время...

— Виктория будет теперь в моем распоряжении, — остановила свой гордый взгляд на чем-то далеком и невидимом красавица в черном.

— По её телу гоняет кровь машина, поэтому она все еще дышит. Но ты уже ничего не можешь сделать для нее, — улыбнувшись, вступила в разговор старая женщина, и камни на её тиаре радостно засверкали. — Ты же знаешь, что можешь отказаться, но совершенно неизвестно, сколько веков тебе придется ждать, пока выпадет возможность опять попасть на Землю. Прожив две человеческие судьбы, ты не продвинулась ни на йоту. Но ты старалась, и мы решили дать тебе ещё один шанс. Если сумеешь провести ребенка через все жизненные трудности и научить прислушиваться к себе, возможно, поднимешься даже на две ступени.

— Но...

— Это будет сложная Судьба, — женщина в черном с трудом оторвала взгляд от какой-то ей одной понятной цели, — очень сложная. И если ты не справишься... Тебе будет помогать Ангел У. Он будет охранять её... насколько это будет возможно.

«У-у-у, опять женская судьба», — расстроилась Душа.

Две последние женские жизни действительно не увенчались ни малейшим успехом. Ей хотелось прожить мужскую судьбу. Правда, мужчины тоже хороши, редко прислушиваются к душе, больше полагаясь на разум. Но это часто помогает им делать правильный выбор. Хотя...

— Это девочка. Родители назовут её Надежда.

«Красивое имя, — Душа опустила голову и улыбнулась, — может, и правда стоит согласиться?»

Но если судьба будет очень сложной, смогу ли я? Сумею ли? — засомневалась она. — Ведь у меня же не получилось... А если я откажусь, то сколько лет мне придется ждать следующего воплощения? Сто? Тысячу? Десять тысяч?»

— Она будет привлекательной и неглупой, — женщина в голубом платье подошла к Душе поближе, коснулась её рукой, отчего Душе стало жарко. — Но мы должны напомнить тебе, что как только ты войдешь в её тело, то забудешь все предыдущие судьбы и вспомнишь о них только тогда, когда вернешься в Мир Гармонии и Покоя.

— Когда я должна принять решение?

— Через семь минут.

— О боже! Так скоро! Но Виктория к этому времени еще должна быть живой. Вы мне разрешите с ней проститься, может, она...

— Нет, — вздёрнула подбородок любительница черного, — Виктория уже в моей власти.

— Но тогда... ох, я боюсь...

— Да, еще, — потеплел взгляд голубых глаз, — девочка будет наделена даром.

— Каким даром?

— Узнаешь. Ты должна будешь помочь ей научиться жить с этим. Ну и, кроме того, в твои обязанности входит научить её разум и тело прислушиваться к себе. Это большая ответственность.

«Должна... обязанности... ответственность...»

— У тебя есть право выбора: ты можешь

принять предложение или отказаться от него.

— А если я откажусь, что будет с ребёнком?

Зеленые глаза вдруг сверкнули недобрým светом.

— Если ты откажешься, то девочка родится мертвой или умственно неполноценной: у нас нет времени предлагать эту судьбу другой Душе.

— Если согласишься и не справишься, — вклинилась строгая красавица в черном, которая стояла чуть в стороне и всё это время была возбуждена и нетерпелива, — то срок для нового перевоплощения будет максимальным — десять тысяч лет.

— Десять тысяч лет?!

Душе очень хотелось отказаться или попросить совета, что и как нужно делать, чтобы избежать очередного провала, но не решилась. Она стояла, растерявшись, низко опустив голову, и не знала, что сказать: «да» или «нет». Ей было страшно. Она боялась, что не справится, и тогда десять тысяч лет покоя! Десять тысяч лет! Её голубовато-розоватые краски блекли. Время было на исходе.

— Торопись, у тебя для принятия решения осталась только одна минута, — прошептала, как будто прошелестела осенняя жухлая листва, старуха в голубом. Красавица в черном скупó улыбнулась. Лёгкие полупрозрачные ноздри затрепетали от возбуждения.

Нужно было принимать решение.

«Если я откажусь, ребенок не родится... или родится мертвым! Маленькая хорошенькая девочка... Надежда... Что же делать? Господи! Помоги мне!

— Я согласна-а-а-а-а...

— А-а-а-а! Уа-а-а-а! Уа-а-а-а! Возвестил о своем приходе в Мир людей родившийся ребенок, уже прошедший через боль и муку. — Уа-а-а... уа-а-а... уа-а-а-а!

— Посмотрите, какая хорошенькая девочка, — произнесла пожилая толстая акушерка, — ну вот, мамочка, с доченькой вас!

4

Сложная судьба Наденьки проявилась сразу же, как только её мама, женщина красивая и добрая, принесла малышку из роддома этим солнечным осенним днем 195... дай бог памяти, то ли шестого, то ли восьмого, а может, даже девятого года. Давненько, вообще-то, это было...

Жили они с мужем в небольшом доме, похожем на пряничный. Он был неновым, но теплым и ухоженным. Дворик чисто подметён и вдоль дорожки, ведущей к дому, разноцветной лентой всю цвели астры. Стены дома были побелены известью. Внутри две небольшие комнаты, оклеенные светлыми обоями, и кухня. Обычное жилище обывателей: в спальне кровать с ковром на стене, две тумбочки и шкаф для одежды. В жилой комнате — диван и два кресла, обитых

красным драпом, буфет для посуды и полка для книг, торшер над журнальным столиком и большой стол, накрытый сегодня для торжества.

— Что, явилась? Ну, покажи хоть, что ты там выродила? — встретил их на пороге изрядно подвыпивший новоявленный папаша. Он уже несколько дней отмечал день рождения дочери. Сначала на работе с сотрудниками, потом дома с друзьями, сегодня у стола собрались родственники: его тетка и сестры с мужьями.

— А вот и мы-ы-ы! — ласково пропела Леночка, мама девочки, и внесла сверток с красивым розовым бантом в комнату.

— Ой, можно посмотреть?

— Покажи!

— Какая хорошенькая!

— На Андрюшу похожа...

— А губки, как у куколки...

— Нет, на Лену, — защебетали женщины, и, пританцовывая, хороводили вокруг новорожденной.

— Чего раскудахтались, курицы? Нет, чтоб парня родить... Родила еще одну проститутку и радуется, — изрек папаша и опрокинул в себя очередную рюмку водки.

Лена обиженно посмотрела на пьяного мужа, сестры и тетка неодобрительно покачали головами, не желая вступать в спор с братцем, мужчины

последовали примеру деверя и выпили, проявив тем самым мужскую солидарность.

Андрей, по-деревенски скроенный мужчина, не был злым. Скорее, даже был человеком добрым, но тупые принципы, природное упрямство и общественное мнение имели для него большое значение. Считалось престижным, если у тебя рождается сын — продолжатель фамилии. Поэтому он уже целую неделю «заливал» свое горе водкой и от этого становился все угрюмее и несдержаннее. Его темно-русые густые волосы растрепались и прилипли к вспотевшему лбу. Русский, немного похожий на картошку нос покраснел. Уголки чуть опущенных книзу губ потянулись еще ниже.

Он был на двадцать пять лет старше своей второй жены — кареглазой красавицы Леночки. Молодой еще, сорокатрёхлетний вдовец однажды увидел её в клубе. Лена стояла в окружении подруг и откровенно пялилась на него. Темноволосая, стройная и ладная, она возбуждала его своей молодостью и откровенным открытым взглядом. Чуть вздернутый маленький носик и пухлые, без всякой губной помады алые губы манили. Потанцевав несколько медленных танцев, Андрей увел её с собой. Через три месяца он женился на Леночке. Еще через шесть — вот вам, здрасьте, малое орущее существо, именуемое дочерью. Андрея раздражала столь быстрая победа над

Леной. Ему казалось, что если она ему досталась так легко, то и для других будет столь же доступна. Из-за этого раздражала и дочь.

* * *

— Ах, как это замечательно. Как мягко, тепло и чисто. Да, да, именно чисто. Мне так нравится чистота. Как хорошо! Дай-ка мне на тебя посмотреть! — еле слышно пиццала Душа. — Ох, не получается... устала... спать хочется... но как... все-таки... чисто-о-о... и хо... ро... шо-о-о с помощью своих кулинарных способностей привлечь внимание мужа.

* * *

Маленькая Наденька, чувствуя, наверное, что ей совсем не рады ни в этой семье, ни в этом мире, часто плакала. Лена, уставшая от бессонных ночей и стирки пеленок, требовала помощи и развлечений. Андрей приходил домой все позже и под «большим градусом». Все реже ужинал дома и все чаще закатывал скандал.

— Боже мой, скажи на милость, зачем я вышла замуж за этого старого идиота? — возмущалась Лена.

Они уже часа два сидели с подругой и пили

чай с булочками, которые Лена, кстати сказать, пекла отменно. Подруга ехидно улыбнулась, отвернувшись, чтобы Лена не увидела, и промолчала. Она, в отличие от хозяйки дома, слышала, как открылась дверь и вошёл хмурый Андрей, как всегда выпивший. Не остановила подругу, не предупредила.

— Жила себе, как нормальный человек, — продолжала Лена, меняя девятимесячной Наденьке марлевый подгузник, — а теперь вечно пьяный муж и вечно орущий обосранный ребенок.

Она швырнула в корзину мокрые пелёнки, даже не заметив, как незаметно скрылась за дверью её подруга.

— Ну скажи, на хрена мне всё это нужно? — она повернулась лицом к столу, но там уже никого не было. Зато у дверей стоял красный от злобы нетрезвый муж. Он тяжело прошёл через комнату, подошёл к жене. Наденька потянула к нему ручонки. Он зло посмотрел на жену, потом сграбастал девочку ручищей за ползунки и швырнул через всю комнату на диван.

— А-ах, — испугалась Лена. — Что ты сделал?! Ты убил её!!!

— И поделом. Всех бы вас, б...дей, поубивать! Забирай своего вылупка и убирайся из моего дома.

Он орал на неё, стараясь перекричать

плачущего ребенка. Лена подскочила к дочери, подхватила её на руки и, прижав к себе, стала успокаивать. Но девочка все кричала и кричала.

— Убира-а-айте-е-есь!!!

— Сволочь! — только и могла промолвить Лена и, подхватив детское одеяльце, вышла из дома, громко хлопнув дверью.

Ей вслед полетела тарелка с булочками, которая с грохотом, ударившись о закрытую дверь, разлетелась вдребезги.

Этим дождливым июньским вечером и закончилось Ленино первое замужество.

Капли дождя смешались со слезами молодой женщины, и никто не обратил на неё внимания, никто не предложил помощь. Так и доплелась она до дома родителей. К этому времени малышка плакать перестала, но родители Леночки сразу поняли: произошло то, чего они ожидали и боялись.

Сжав губы, мать Лены — женщина во всех отношениях достойная и порядочная — сухо произнесла: «Входи».

Через неделю Лена уехала в далекий Казахстан на комсомольскую стройку. В то время на призыв Коммунистической партии, которая, как было записано в шестой статье Конституции СССР — «Руководящая и направляющая сила общества», стекалась молодёжь со всего Советского Союза. В Казахстане строили большой металлургический

завод — «Магнитку». Лена поехала туда, от греха подальше, оставив дочь на попечение своих родителей. Она искренне планировала заработать денег и вернуться за ребёнком. Но жизнь есть жизнь. Память стерла обиды. Новая молодая и веселая жизнь закружила Лену в водовороте событий. Привязанность к ребёнку со временем угасла. Появлялись новые мужчины — некоторые приходили на одну ночь, некоторые задерживались на несколько месяцев, некоторые становились мужьями.

5

Наденька жила в небольшом украинском городке, росла тихой, незаметной, но любознательной девочкой. Проблем никому не доставляла и казалась счастливым ребёнком. Она знала, что живет у бабушки с дедушкой, что мама уехала, но обещала вернуться за ней. Она ждала. Но время шло, а мама не приезжала. А ей, как и всем детям на свете, ах как хотелось иметь маму. Хотелось прижаться к ней своим маленьким тельцем, чтобы она погладила Наденьку по голове и поцеловала в лобик, — девочка видела, как другие мамы делают это.

Бабушка Маша добрая и хорошая, но она не мама, поэтому Наденьку никогда не гладит, не

обнимает и не целует. И девочке казалось, что так и должно быть. Только внутри иногда что-то шевелилось, сжимало горло и щекотало в носу, и от этого хотелось плакать.

Лена поначалу присылала Наденьке открытки с картинками из детских сказок и мультфильмов, а бабушка читала ей эти «письма от мамы». Девочка рисовала рисунки, которые бабушка отсылала, вместе со своими письмами, дочери. А потом и открытки приходить перестали.

Пятилетняя Наденька затосковала. Она никак не могла понять, что же это такое внутри всё время щемит и болит, когда она думает о маме. Что-то такое, отчего глаза застилает туман, что-то, что заставляет девочку всхлипывать, морщить носик, а потом по щекам текут горячие солёные слёзы. Делается страшно и очень больно. В силу своего возраста разобраться в этом девочка не могла и однажды спросила у бабушки:

— Ба, я заболела, сто ли?

— Что у тебя болит, деточка? Где? — Мария Ивановна не на шутку забеспокоилась.

— Я не знаю... Вот тут больно... когда ты мне от мамы письмо цитаешь... — и она положила маленькую пухленькую ручку себе на грудь.

— Там — сердце... а еще — душа...

— А сто такое дуса, ба..? Это сто, червяцёк такой? Он все влемя севелица... А почему он

болит? Давай мы ему лекальство дадим?

Бабушка внимательно посмотрела на девочку и ответила, погрузнев:

— Нет от этого лекарства. Не придумали еще...

— А давай мы плидумаем? — радостно воскликнула Наденька. — А потом напомним маме, что мы плидумали такое лекальство от дусы, и потом нам дадут плиз. А, ба..?

— Вот вырастешь, станешь большой, умной девочкой и придумаешь такое лекарство. А еще придумаешь лекарство от плохих матерей, которое будут им давать, чтобы все мамы на свете любили своих детей...

— Бабуль, а меня мама любит?

— Любит, — и тихо добавила: — Наверное...

Идём, я тебя гречневой кашей накормлю.

— С маслом?

— С маслом...

Глубоко вздохнув, Мария Ивановна заспешила на кухню. Она в свои пятьдесят два года всё еще была красива. Но ужасы Второй мировой войны, через которую ей пришлось пройти вместе со своим мужем, Надиным дедом, Николаем Гавриловичем, сделали её суровой. Небольшие светло-голубые глаза, казалось, никогда не улыбались. Правильной формы овальное лицо, высокий открытый лоб, тонкие красивой формы

губы выдавали женщину смелую, с твердым характером, каковой она на самом деле и была. А тут еще и непутёвая дочь!

Подпортила Лена карьеру своему отцу. Орденосец, кавалер двух орденов Красной Звезды и орденов Славы, член партии, он был отчислен из Военной академии, где учился, и чуть не лишился партбилета. Партийная организация воинской части, где служил Николай Гаврилович, посчитала поведение его дочери аморальным. В советское время партия и правительство боролись за моральную честь народа. Себя эти политические деятели, видимо, к числу народа не причисляли. Им было дозволено иметь жен, заводить любовниц, трахать домработниц. Не в открытую, конечно. Но ведь «шила в мешке не утаишь», об этом знали все. Но обыкновенному человеку — ни-ни! Аморально.

А Лена была девушкой интересной, привлекательной и любила повеселиться. Её частенько видели в компании женатых мужчин. Да и брак с человеком, который на двадцать пять лет старше ее, вызвал пересуды. Но Лена уехала. Время «стёрло» в памяти людей её похождения, и жизнь Марии Ивановны и Николая Гавриловича вернулась в прежнее уравновешенное состояние, с той только разницей, что теперь им приходилось воспитывать внучку.

Одним жарким июльским днем на скамейке

возле дома, как водится, сидели местные сплетницы-соседки. Они смотрели, как в песочнице строит пасочки Надя, о чем-то говорили и неодобрительно качали головами. Из-за угла дома показалась Мария Ивановна. Руки её были заняты авоськами — сетками с большими дырками, через которые можно было видеть всё, что туда положили: молоко, кефир, хлеб, овощи и еще что-то замотанное в коричневую бумагу.

Наденька вдруг почувствовала, что то, «что сидело внутри», так сильно зашевелилось, что она не выдержала:

— Мама! Мама! Мама! — вдруг позвала девочка и бросилась навстречу бабушке.

Подбежала. Крепко обхватила маленькими ручками её колени и громко заплакала.

— Это не мама, Наденька, — ехидно сощурила глаза соседка, — это твоя бабушка...

— А мама твоя уехала... бросила тебя и уехала, — не утерпела и вторая сплетница.

Надя вдруг резко повернулась к сидящим женщинам, закинула обе ручки за спину и сказала отчетливо и громко:

— И «мама»! У Алки есть мама. У Саски есть мама. У Натаски тоже. И я хочу, чтобы у меня была мама! Вот она — моя мама.

Нежный детский голосок звучал звонко, слёзы вдруг высохли, лицо стало не по-детски серьезным.

— Ох, змеи, — только и смогла вымолвить Мария Ивановна и, так и не обняв и не погладив Наденьку, глянула на соседок с упреком и обидой и быстро вошла в подъезд.

А Надя с тех пор стала называть бабушку мамой, а дедушку- папой. И хоть никто не стал её обнимать и целовать в лобик, «червячок, который «сидел» внутри», стал «шевелиться» не так сильно.

«Ох, что же это такое происходит? Как-то мне страшно и больно, — думала Душа. — Как-то тесно и все время хочется забраться куда-нибудь подальше, в пятки, и сделаться такой маленькой-малюсенькой... Хорошо, что послушала меня Наденька — сама обняла бабушку. Это я ей подсказала, что надо быть ласковой и любить своих родных. Всех любить надо, но это сложно ещё для ребенка, не каждому взрослому по силам... А вот то, что она стала их мамой и папой называть, — для меня самой новость... Хотя после этого как-то посветлей стало, полегче...»

6

Впервые Надя увидела «это», когда ей было почти семь лет. Первого сентября, как и все дети Советского Союза, она готовилась идти в школу — большое и радостное событие для всех детей того времени. А как же иначе? Стать Юрием Гагариным

или Валентиной Терешковой, Алексеем Мересьевым или... мечтали все дети. Надя мечтала стать Мамой. Самой доброй и внимательной Мамой на свете. Может быть, даже матерью-героиней. И чтобы ей обязательно дали медаль.

Но девочка никому не говорила об этом. Она боялась, что дети будут смеяться — среди «дворовых» у нее был статус «прокажённой», и никто из детей не хотел с Надей «играть». Она надеялась, что в школе у неё обязательно появится подруга, а может быть, две или даже три подруги, и тогда она всё-всё им расскажет. Она видела по телеку в фильмах, которые любила смотреть, как дети находят себе друзей, как они помогают друг другу и «стоят за друга горой». Поэтому девочка была возбуждена и полна надежд. Но был во дворе один человек, который относился к Наде с долей нежности, он жалел девочку, — Саша Салихов.

Черноволосый смуглокожий крепыш. Он был «большой», учился в седьмом классе. Жил с родителями в Германии — отца направили туда по службе, — а сюда приезжал на летние каникулы к своей бабушке Фане, красивой и доброй еврейке, которую, по-видимому, из-за национальности во дворе тоже недолубливали.

— Надюш, — позвал он однажды одиноко гуляющую девочку, — хочешь, покажу что-то?

— Хочу, — Надя поднялась со ступеньки

подъезда, где играла с бумажной куклой, примеряя на неё одёжки. И куклу, и одёжки для неё девочка нарисовала сама, и очень этим гордилась. Подхватив всё своё добро, она подбежала к Саше.

— Смотри, у меня есть Наташа.

— Красивая. Ты сама её нарисовала?

— Ага... И одёжки... Нравится? Хочешь, подарю?

— А тебе не жалко?

— Я себе еще нарисую...

— Конечно, хочу, спасибо, — парень взял куклу Наташу, ласково посмотрел на Наденьку, взял её за руку и повел к клумбе, где цвели настурции, ромашки и несколько кустов роз. Их посадили жители четырехэтажного дома, в котором жили и Надя, и Сашина бабушка.

По вечерам жители дома поливали цветы из больших леек, а потом сидели на скамейке у подъезда и обсуждали новости двора: «Ах, а у Верки с третьего подъезда новый кавалер... Слышали? У Гавриловны внук женится... А знаете, эта старая карга Мотря опять в больнице была... бедная, умрёт скоро, наверное...»

— Вот, смотри, Надюш, — Саша показал на один из цветков ромашки. На нем сидел огромный толстый шмель. — Только ты сама так не делай, ладно? Ты же знаешь, что шмель может очень больно ужалить.

— Знаю. Мне мама, м-м-м... бабушка говорила.

— Вот. А я знаю секрет, как словить шмеля, чтобы он не укусил.

Саша медленно подошёл поближе к цветку, накрыл его двумя ладонями и крепко, но так, чтобы между ними было достаточно пространства, взял шмеля, не повредив ромашку.

— Ух ты-ы-ы-ы! — восхищенно выдохнула маленькая Надя. — А как ты это делаешь?

— Очень важно, чтобы руки были плотно сжаты и внутрь не проходил ни один, даже самый маленький лучик света.

— Ты такой смелый! Я бы ни за что так не смогла! А ты завтра покажешь мне что-нибудь ещё?

— Завтра не смогу. Завтра я уезжаю. В Германию. Мне тоже в школу. Подготовиться надо. Ты ведь тоже идёшь в школу в этом году.

— Да, в первый класс, — гордо подняла свою симпатичную, с маленьким, немного курносим носиком и верхней губкой домиком головку Наденька. Большие и грустные глаза смотрели на мир совсем не по-детски. Эти темно-карие, с черными длинными ресницами глаза становились зелеными, когда Надя плакала или злилась. Негустые темные волосы, которые ей каждый день заплетала бабушка, жиденькой косичкой свисали на детскую спинку, где заканчивались голубым

капроновым бантом. А своим платьицем в мелкий цветочек, перешитым бабушкой со своего старого, Надя очень гордилась. Как же, бабушка отдала ей свое, чтобы у неё, у Нади, было новое платье.

— Ты хороший, — сказала она, поразмыслив. — Я буду ждать, когда ты опять приедешь к бабушке в следующем году. Ладно?

— Ладно.

Саша ласково улыбнулся, погладил ладошкой девочку по голове, и Надя вприпрыжку побежала к подъезду. Ей хотелось на минутку забежать домой и рассказать бабушке, что с ней дружил такой хороший большой мальчик и показал даже, как умеет ловить шмеля.

Уже «взлетев» на последнюю ступеньку, ведущую в подъезд, Надя остановилась. Ноги почему-то стали «ватными» и не хотели идти. Она оглянулась на Сашу и увидела его совсем не таким...

Он сидел за деревянным дворовым столом, на котором по вечерам взрослые мужики «забивали козла», глаза его были закрыты, а лицо и руки, которые устало лежали на столе, были покрыты какими-то сине-желтыми, как синяки, пятнами. За его спиной стояла темноволосая женщина, очень похожая на его маму, тётю Таю, только моложе и еще красивее. Она была серьезна и, как показалось Наде, смотрела на Сашу ласково. Но он её не видел

— это Надя знала точно. И глаза... почему у него закрытые глаза?

Через несколько секунд Надю «отпустило». От радостного настроения не осталось и следа. Она поплелась домой, но бабушке ничего рассказывать не стала — чувствовала себя совершенно разбитой, прилегла на диванчик и уснула вот так, прямо посреди дня, и никто не обратил на это внимания: подумаешь, убегался ребёнок...

Через три дня маленькая Надя узнала новость, которая повергла её детское сознание в шок: Сашу Салихова в Германии, где служил его отец и куда он уехал, чтобы продолжать учёбу, сбила машина. Насмерть.

7

Хм... так вот о каком «даре» говорили Вершителю. Бедная девочка... бедная я... и что же теперь со всем этим прикажете делать?

Время шло. Наденька росла сама по себе, как бурьян («сорняк» с укр. — Прим. авт.) в саду. Никто не занимался ею. Дежурный вопрос: «Как дела в школе?» Такой же дежурный ответ: «Нормально».

По выходным дням Надюша любила

крутиться возле бабушки на кухне, когда та готовила обед или ужин. Вытирала тряпкой стол, мыла тарелки, а иногда даже помогала лепить вареники. Они получались у неё разной величины — плоскими и длинными, а не такие, как у бабушки, — одинаковые, все как один, кругленькие и полные. Мария Ивановна посмеивалась:

— Опять «ушей» налепила?

Надя немного обижалась. Ей казалось, что нет на свете ничего красивей и вкуснее этих «ушей».

Иногда ей разрешалось чистить лук, резать огурцы и помидоры на салат, чем девочка ужасно гордилась, — ей доверяли нож.

Время шло... Надя росла, ходила в школу и переходила из класса в класс вместе со своими сверстниками. В пятом классе к ним пришла новенькая — Алла Морозова, из обеспеченной офицерской семьи, недавно прибывшей из Германии, где папа её проходил службу при посольстве СССР в Восточной Германии, а мама посвящала свое время папе, Аллочке и себе. Алла высоко задирала свой красивый носик, воображала и ни с кем дружить не желала. Дети в классе игнорировали её, так же, как и Надю. Обе выделялись из общей массы, и «масса» их не приняла, это и сблизило девочек.

Всё в их странной дружбе было основано на контрастах: Аллу любили и баловали в семье, Надю

— просто растили; Аллу одевали, как принцессу, Наде перешивали одежду из старых бабушкиных платьев, а если что и покупали, то только то, что подешевле.

— Ох, вчера выбросила в форточку куриные ножки, которые мама приготовила: есть не хотелось... — наморщив свой милый носик, рассказывала Алла на переменке.

— А выбрасывать же зачем? — удивилась Надя, сглотнув слюну: ей приходилось довольствоваться на обед гречневым супчиком или яичницей.

— Так мама заругала бы... Она еще торт спекла. Вку-усны-ый...

Надя опять сглотнула слюну и промолчала.

— А тебе мать не печёт торты? — Алла откровенно насмеялась над бедностью Нади, считала её ущербной и наслаждалась своим доминирующим положением.

— Нет, у нас столько денег нету. Да и ты же знаешь, моя мама — моя бабушка... А можно я приду к тебе в гости? Покажешь, как ты живёшь?

— Да уж, беднота, беднота... В гости? Да ты что! Мама не разрешит, — опять наморщила носик Аллочка.

— Она что же, не разрешает тебе подружек домой приглашать?

— Подружек разрешает. Просто она не

разрешает дружить с тобой.

— Почему? — опустив глаза, тихо спросила Надя.

— Ну, понимаешь... ты не нашего круга. У моих родителей положение знаешь какое? Им с кем попало дружить нельзя... да и мне тоже. Но ты же видишь, я все равно дружу с тобой...

По школьным коридорам разнеслась трель звонка. Надя спрыгнула со школьного подоконника и побежала в обратную от класса сторону.

— Надька! Урок же!!! Ты куда?

— В туалет! — бросила девочка и убежала.

Едва успев вскочить в туалет, Надя разрыдалась. Она сама не могла понять, почему плачет. Почему опять стало так больно в груди, так сдавило горло и стало трудно дышать.

«Ну, подумаешь, не только у Алки есть мама и папа. У нее тоже есть... и мама иногда такие вкусные котлеты жарит... И платье в прошлом году ей новое купили на день рождения, и форму с юбкой в складку, такую, как она хотела, и фартук белый с рюшами...»

Бедная девочка плакала и не могла остановиться. Горячие солёные капли выкатывались из глаз, стекали по щекам, падали на пол. Надя всхлипывала и вздрагивала, её стало трясти, как от холода.

Раздался звук открываемой двери, и в туалет

вошла техничка со шваброй и ведром. Увидев заплаканную Надю, спросила:

— Чего, двойку получила? Не реви, исправишь... Ну, поругает мамка дома и простит... иди в класс. Урок начался давно.

— Не получала я двойки! И дома меня никто не заругает! И прощать меня никто не будет! Никому до меня нет дела! — с надрывом прокричала девочка и пулей вылетела из школьного туалета, оставив испуганную техничку в растерянности.

На следующий день Надя в школу не пришла. Портфель её так и остался лежать в парте. В 70-х годах XX века все дети младших и средних классов сидели за партами с откидывающейся половиной крышки стола, наклоненной под углом 45 градусов. Сидели по двое. Все парты были выкрашены в темно-зеленый цвет. Посредине было углубление для чернильницы, хотя все уже начали пользоваться прогрессивным нововведением — шариковыми ручками, которыми ученики оставляли на крышках парт послания. Записками типа «тут сидел Вася», «Юра + Лена = любовь» или «Ирка — дура», рисунками машинок и кукол пестрели парты во всех школах без исключения, рассказывая всему миру о любви Юры и Лены и об умственных способностях девочки по имени Ира. Надя сидела на последней парте. «Надька — синий чулок» —

гласила крышка школьной мебели.

На следующий день после уроков классная руководительница 5-В класса Ольга Федоровна подозвала Аллу и спросила:

— Ты с Надей Ярош дружишь?

— Так... разговариваем иногда, — Аллочка отвернулась и презрительно пожала худенькими плечиками.

— Ты не знаешь, почему её в школе нет? Она заболела?

— Не знаю. У меня нет времени ходить и узнавать. Уроков много.

— Я хочу дать тебе пионерское поручение: сходи к Наде домой, отнеси ей портфель и узнай, что случилось? Я написала Наде в дневнике, чтобы её бабушка пришла в школу, но ты скажи Марии Ивановне, что я просила зайти, ладно?

— Ла-а-адно. Зайду, — нехотя протянула Алла, — странная она какая-то, эта Ярош...

Алла всем своим видом показывала, как ей не хочется идти к Наде домой, а уж тем более нести забытый ею портфель.

«Вот еще, должна ходить и носить портфели всяким нищенкам».

Но она была примерная пионерка, и поручение, которое ей даёт классная руководительница, выполнит.

Ольга Федоровна — мудрый и опытный

педагог, строгий, но справедливый — работала в этой школе с начала своей педагогической карьеры. Невысокая и стройная, светлые волосы, заложенные в классическую «ракушку», небольшие очки в роговой оправе делали её похожей на типичную школьную учительницу того времени.

Она растила дочь одна. Муж оставил её ради молоденькой парикмахерши, которая не проводила столько времени со своими клиентами, сколько Ольга Федоровна — со своими учениками. Парикмахерша все свободное от работы время посвящала ему: стирала, мыла, готовила завтраки, обеды и ужины, ублажала, как могла. Учительница жалела Надю Ярош. Внешне в Надиной семье все выглядело нормально, но она чувствовала, что девочка страдает. Да и в классе её обижали. Дети жестоки. Часто не понимают, что творят.

«Надо будет поговорить с Марией Ивановной», — глубоко вздохнув, подумала Ольга Федоровна, — может, помощь какая нужна».

8

— Уф-ф-ф! Как же мне плохо!

Душа вылетела из тела двенадцатилетней Нади и опустилась на стол, стоящий рядом с диваном, на котором лежала девочка. Потом, взлетев над ней,

потянулась. В теле ей почему-то все время хочется сжаться. Сделаться маленькой-премаленькой и спрятаться куда-нибудь подальше. Вот теперь она может расправиться и хорошенько рассмотреть саму Надю. Худенькая, темноволосая, ничем особым не выделяющаяся девочка. Непропорционально длинные ноги, как, собственно, у любого подростка, делали её фигурку неказистой. Личико миленькое. Высокий лоб. Маленький, чуть курносый нос и розовый «бантик» губ с немного опущенными вниз уголками, отчего казалось, что Надя на кого-то обиделась. На коже юношеские прыщи. Как и все подростки, она, втайне от бабушки, пыталась выдавливать их или замазывать тональным кремом, и от этого их становится только больше, но, в общем, девочка была симпатичной.

Душа огляделась вокруг. Обычная трехкомнатная хрущевка с проходной жилой комнатой, где Надя и жила. Спала она на стареньком диване, с которого уже свисали её длинные ноги. Бабушка с дедушкой давненько поговаривают о том, что надо бы купить диван побольше, но до этого никак не доходит очередь. Всегда находятся вещи более необходимые для приобретения. А вот сервант и секретер купили недавно. Поблескивая коричневой полировкой, они стояли у одной стены, как это было модно. В секретере виднелись несколько томиков Ф. Энгельса, В. Ленина и даже И. Сталина. Ведь Николай Гаврилович — член КПСС, ветеран войны. А также три-четыре книги и несколько журналов *Uroda* на польском языке (Мария Ивановна знала польский), несколько поваренных книг, книга по

домоводству, «Анна Каренина» Льва Толстого и несколько детективов Агаты Кристи.

Зеркало задней стенки серванта отражало тщательно вымытую праздничную посуду, хрустальные рюмки и вазочки.

«А это что такое красное? Вроде бы в комнате ничего красного нет», — Душа оглянулась вокруг и вдруг поняла:

— А-а-а-ах!

Кроваво-красные разводы переливались в желтые, как небо во время заката.

«О ужас! Это же я! Что делать? Что делать? — она заметалась по комнате, пытаясь найти выход из нее. — Я не смогу, не смогу... Надо вернуться назад и объяснить Вершителем, что я не могу. Если дальше будет так продолжаться, я же сгорю, умру и вообще исчезну. Я не хочу... не хочу»...

Паника охватила Душу, и она вылетела на улицу через открытую форточку.

Заметалась по городу в поисках выхода в Мир Гармонии и Покоя. Она не могла больше оставаться в этом теле. Даже если ей придется ждать следующего человека десять тысяч лет, то это все равно лучше, чем умереть. Она вспомнила предупреждение, которое ей сделали Вершители, когда предложили прожить судьбу Нади.

Перед Душой проплыла одна из картинок состоявшегося двенадцать лет назад разговора:

— Души бессмертны. Но бывают случаи, когда Душа может быть убита, и тогда она исчезнет.

Навсегда, — объяснила тогда молодая красавица в чёрном.

— Как исчезнет? Как навсегда? Вы же только что сказали, что Души бессмертны?

— Душа может «сгореть» только тогда, когда находится в человеческом теле. Сам человек может убить её. И там она останется навечно. Мертвая, она не сможет покинуть его тело, — блеснули льдинки голубых глаз, — а когда человек умрет, душа исчезнет вместе с ним.

— А можно узнать такого человека, в котором душа «сгорела»?

— Иногда люди называют это глубокой депрессией, неполноценностью или сумасшествием.

— Или, когда он становится злым и жестоким...

— Или равнодушным...

— Но это случается крайне редко, — успокоила её старуха.

Тогда она красовалась в ярко-оранжевом пуловере и зеленых брюках.

— Перед тем как умереть, душа становится кроваво-красного цвета, — пояснила молодая красавица.

«Интересно, почему?»

Душа отчетливо вспомнила этот разговор и запаниковала еще больше.

«Что делать? Что делать? Я не хочу умирать! Не хочу!!!»

Она еще активнее стала искать выход в тот Мир, где Душам так хорошо и ничего не угрожает, но каждый раз, когда ей казалось, что она нашла его,

натыкалась на невидимую стену. Снова и снова пыталась прорваться через эту крепкую и немного упругую субстанцию, которую невозможно было даже увидеть. Но не могла Душа прорваться туда, где будет спокойно и безопасно, и она опять станет нежно-голубой с розовым в серебре.

Всю ночь бедная Душа металась по городу, а наутро, когда у нее почти не осталось сил, увидела небольшую речушку, протекающую через просеку соснового леса. В одном из деревьев было дупло. Забравшись туда и свернувшись «калачиком», измученная Душа мгновенно уснула.

— Ольга Федоровна, Ольга Федоровна! — Алла бежала за педагогом, пытаясь догнать её и рассказать о выполненном поручении.

Учительница остановилась и внимательно посмотрела на догонявшую её девочку, которая была крайне возбуждена.

«Что-то случилось», — подумала она.

— Нади дома нет. Она в больнице. Она уснула, и её никто не может разбудить!

— Она умерла? — руки и спину педагога покрыли мерзкие мурашки.

— Нет. Она дышит. Но она спит... никто не может разбудить её. Её забрали в больницу. Она там лежит. А бабушка дома. Я же вам говорила, что она странная... больная она... на всю голову...

— Хорошо. Спасибо. Я зайду к ним вечером.

Мария Ивановна совсем не обратила внимания на то, что Надя прибежала со школы в слезах. Она была занята своими не очень приятными домашними ежедневными делами и не очень радостными мыслями. Жизнь складывается совсем не так, как бы ей хотелось. И все из-за чего? Из-за того, что она выполнила свой долг женщины и родила ребенка — дочь Лену, которая всю их с Николаем Гавриловичем жизнь вывернула наизнанку. Она вообще детей не хотела. Но почему-то считалось, что каждая женщина просто обязана желать стать матерью и потратить полжизни на то, чтобы вырастить себе подобное существо. Биологическое предназначение женщины. Так, кажется, это называется. И почему нельзя было обойтись без этого?

А теперь, вместо того чтобы заняться изучением английского языка или совершенствоваться в игре в шахматы, как она мечтала, будучи молодой, вынуждена воспитывать внучку. Нет, Надя девочка неплохая. И проблем особых не создает, но все равно свободной Мария Ивановна себя не чувствует. То сварить что-то надо, то постирать. Хорошо, хоть в школе Надя справляется со всем сама. Даже уроки не надо помогать делать. Учится, правда, средненько, но, видно, умишком не вышла. Так оно и понятно: какие родители, такие и дети — «на яблоне

апельсины не растут...»

Она поёжилась. Что-то противное закралось в мысли и совсем перехотелось думать об этом.

— Надя, вставай. Чего это ты среди дня улеглась? Потом ночью спать не будешь... Наде-е-ежда-а-а!

Девочка не шевелилась, и Мария Ивановна подошла посмотреть на неё. Грудная клетка двигалась в такт: вдох-выдох, вдох-выдох.

— Наде-ежда-а-а! Вставай. Уже пять часов вечера, — громче позвала она внучку.

Реакция та же, то есть никакой.

— Ты что, заболела? — Мария Ивановна, наконец, забеспокоилась и потрясла Надю за плечо. Тельце Наденьки заколыхалось в такт движения руки, но глаз девочка не открыла.

— О господи! Что это с тобой? — она потрогала лоб внучки — теплый. Взяла её за кисть руки, но толчки пульса ощутила с трудом, очень слабые.

По спине пополз липкий страх... Она схватила трубку телефона и набрала 03.

— Скорая? Здравствуйте! Приезжайте скорей! Пожалуйста, скорей! Улица Ильина, дом четырнадцать... квартира?.. квартира сорок... Не могу разбудить ребенка... Что? Да, пробовала... Не реагирует! — слезы накатили на глаза, и Мария Ивановна стала размазывать их по лицу свободной

от телефонной трубки рукой. — Пожалуйста, скорее!.. Лет?.. Двенадцать. Ой, господи, Наденька-а-а-а-а.

Врачи скорой тоже не смогли разбудить ребенка и увезли Надю в неврологическое отделение городской детской больницы, обещая позвонить Марии Ивановне, как только что-нибудь выяснится о состоянии девочки.

— Вам туда не надо. Вы все равно ничем сейчас не поможете. А плакать и дома можно... Мы позвоним вам, если что...

— Если ЧТО? — с ужасом округлила глаза Мария Ивановна.

— Мало ли что... будем надеяться на лучшее... Вот, возьмите валидол под язык...

9

Душа, отдохнув в дупле дерева, куда она забралась сутки назад, успокоилась немного. Решила, что другого выхода все равно нет — надо возвращаться в Надино тело. И, обдумав положение, пришла к выводу, что все не так плохо, как показалось ей сначала. По тому, как с ней разговаривали Вершителю, было件нятно, что у Нади длинная Судьба. Кроме того, они еще о каком-то даре упоминали. Как же она будет пользоваться своим даром, если я умру? Конечно, надо будет постараться войти в более тесный контакт с разумом девочки. Надо

постараться...

И Душа, потянувшись, взлетела над лесом и направилась прямо к зданию детской городской больницы, где в палате № 7 неврологического отделения над девочкой «колдовали», впрочем, совершенно безуспешно, врачи.

Подлетев к открытому окну, она заглянула в палату. Там находились четыре девочки, но Надю Душа узнала сразу. Возле неё на кровати сидел растрепанный седой, похожий на Эйнштейна, старик. Интеллигентного вида с добрыми василькового цвета глазами. Эйнштейн держал девочку за руку. Он оглянулся и, увидев Душу, встал.

*— Не покидай её больше. Особенно так надолго...
Пожалуйста.*

— Ангел? У?

— Ей и так очень трудно, — проигнорировал он вопрос. И так должно быть понятно, кто он.

Душе стало стыдно.

— Я испугалась, — призналась она.

— Я знаю... но не будем терять времени...

Душа опустила на Надино тельце и растворилась в нем. Растворился и старец.

Надя зашевелилась, глубоко вздохнула и открыла глаза. Но тут же закрыла. Ей показалось, что кто-то вонзил в них два кинжала. Прислушавшись к своим ощущениям, она поняла — у неё сильно болит голова. У Нади и раньше иногда болела голова, например, после того как она

увидела ту странную женщину за спиной у Саши Салихова. И еще, когда бабушка ругала её за то, что она, загулявшись с девочками, пришла домой позже девяти часов вечера. Но так сильно она болит в первый раз.

— Ма-а-ма! — Надя с трудом издавала звуки.

В ответ она услышала незнакомый мужской голос.

— Надя... Надя... Наденька... — ласково звал голос. Она снова, но уже очень медленно, открыла глаза и увидела крупного мужчину в белом халате и шапочке. Сощурившись от боли, постаралась сосредоточить взгляд на его лице. Большое, почти круглое, оно светилось добротой. Карие глаза тоже показались Наде добрыми, а еще внимательными и умными.

— Наденька. Ты в больнице. А я — доктор, Юрий Иванович. Что у тебя болит?

— Голова, — с трудом промямлила Надя, — и еще глаза... внутри...

— Сейчас, сейчас, милая, я тебе помогу. Я тебе укольчик сделаю, и болеть перестанет, ладно?

— Ладно...

Юрий Иванович, несмотря на крупную, казавшуюся тяжелой фигуру, легко встал и, повторяя: «Слава Богу... Хорошая девочка... Слава богу...» — быстро вышел из палаты.

На следующее утро Надя чувствовала себя

почти хорошо. К ней пришла бабушка. Мария Ивановна испытывающе и строго смотрела на внучку, хотя и принесла много всяких вкусностей, какие покупала только по большим праздникам: молочный шоколад «Алёнка», вафли «Артек» с шоколадной начинкой — Надины любимые, два мандарина и свежий суп из самой настоящей домашней курицы.

— Как ты себя чувствуешь, Надя? — спросила она с металлом в голосе.

— Хорошо.

Надя не могла понять, за что «мама» сердится на неё. Она ни в чём не виновата. Девочка не делилась с бабушкой своими детскими проблемами. Всякий раз, когда она пыталась объяснить, что её волновало: не принимают в игру дети во дворе или как тяжело складываются взаимоотношения с другими девочками в школе, — Мария Ивановна с неприязнью отвечала: «А ты с ними не водись, с проститутками этими. А то будешь такая, как твоя мать. Учись вот лучше. А то одни тройки в дневнике».

Это казалось Наде несправедливым, потому что в дневник уже давно никто не заглядывал. В него вообще редко заглядывали, разве что тогда, когда Надя сама показывала написанные красными чернилами приглашения в школу на родительское собрание. Возле такого «приглашения» родители

должны были расписаться, вот Наде и приходилось показывать свой дневник. Конечно, там не были «одни тройки». Были там и четверки по географии, русскому и украинскому языкам и литературе; и пятёрки по английскому, биологии, физкультуре и рисованию. Но этих оценок Мария Ивановна почему-то не замечала. Быть такой, как мать, категорически не хотелось. Надя собиралась стать самой доброй и внимательной мамой на свете. Она найдет своему сыну или дочке самого хорошего папу, и у них будет дружная счастливая семья, как у Аллы. Или даже еще лучше — как у Саши Салихова.

Но с некоторых пор Надя перестала рассказывать о своих проблемах, которые никто не принимал всерьез. А бывало и ещё хуже, когда бабушка начинала бурчать, что её, Надю, «навесили на шею» и лучше, если бы родители сами воспитывали своих детей, которых нарожали.

Не хотелось обсуждать этого и теперь, в больнице, тем более что совершенно непонятно, почему бабушка так строго смотрит на неё. И голос... как лёд...

— Мам, можно я пойду с тобой домой? Я хорошо себя чувствую. Правда...

Надя, чтобы показать, как «хорошо» себя чувствует, встала с кровати и попрыгала на месте. Вот, смотри.

— Врач пока не разрешает тебе идти домой, — Мария Ивановна опять строго посмотрела на Надю, — он не знает, почему это с тобой случилось. А ты знаешь?

— Нет.

Ты что-нибудь съела плохое?

— Нет.

— Может, ты курила?

— Ну что ты, мам. Конечно, нет!

— Тогда что?

— Но я же сказала, не знаю... — тихо прошептала Надя и опустила глаза.

К её горлу опять стал подкатывать противный комок, опять появилось липкое чувство страха, что сейчас станет трудно дышать. Почему-то подумалось, что ей не поверят. Почему? Ведь она ничего такого не делала. Ну почему ей никто не верит?

Немного закружилась голова, и она опять села на постель.

— А можно мне супа?

— Конечно, конечно.

Взгляд Марии Ивановны вдруг потеплел. Она открыла пол-литровую банку, которую заботливо обмотала махровым полотенцем, чтобы суп не остыл, пока донесёт его до больницы.

— Кушай, деточка.

— М-м-м-м, вкусно как... Спасибо, мам.

— Ну, ты кушай. Поправляйся, а я пойду. Дел много.

— Хорошо, мам. Спасибо.

Мария Ивановна ушла, а Надя, съев половину супа, накрыла банку крышкой и поставила её на тумбочку, что стояла у кровати.

10

— Ты три дня подряд спала...

Надя повернула голову на голос и увидела девочку примерно такого же возраста, как и сама.

— Меня зовут Надя.

— Знаю, — ответила девочка. Я Тамара. А это Светка и Ирка, — указала она по очереди на девочек, лежавших на других кроватях.

Света и Ира были помладше. Почему они находились здесь, Надя спросить постеснялась, а внешних причин заболеваний заметно не было. А Тамару она спросила:

— А ты давно здесь?

— Месяц уже.

— Так долго?! Неужели и меня здесь столько держать будут?

— Недели две. Не меньше. Они всегда держат тут по две недели. А уж в твоём случае точно раньше не выпишут.

— В каком это моем случае? — возмутилась

Надя.

— А в таком. Врачи не знают, что с тобой такое. Тебя три дня не могли разбудить. Хотели уже через трубочку кормить.

— Как это... через трубочку?

— А, вставили бы трубку через нос прямо в желудок.

— Фу-у-у-у-у. Хорошо, что не вставили... А ты чего здесь?

Тамара помолчала немного, а потом, хоть и нехотя, все-таки

ответила:

— Отец меня, пьяный, по башке кастрюлей огрел... Сотрясение мозга... Вот теперь валяюсь тут...

— Как отец? Твой отец?

— А чей же ещё? Мой... что б ему, пьянице, пусто было... «белочка» его, видите ли, посетила?

— Что? Какая белочка? Рыжая?

— Нет, пьяная, — Тамара исподлобья посмотрела на Надю и спросила:

— Тебе сколько лет-то?

— Двенадцать.

— И что, не знаешь, что такое «белочка»?

— Не-е-ет. Не знаю...

— Темнота. Это так «белую горячку» называют. Когда человек уже совсем спился и не понимает, что творит...

Тамара подошла к Наде поближе и спросила:

— Ты суп-то есть будешь? А то остынет, — и сглотнула слюну.

Наде сразу вспомнилось, как её собственный рот наполнялся слюной, когда Алка Морозова рассказывала о кулинарных изысках, которые якобы выбрасывала в форточку. Надя не верила ей и всегда думала, что, если бы это было правдой, то она могла бы поделиться с ней, с Надей, а не швырять продукты в окно.

— Хочешь? На, возьми, я не хочу больше, — протянула Тамаре банку с супом.

— Спасибо, — не стала сопротивляться Тамара, — тут, конечно, кормят, но твой суп так пахнет! Спасибо, — добавила она уже с полным ртом, — вкусно...

— А к тебе, что же, никто не приходит?

Надя подумала, что иногда, наверное, лучше вообще не иметь отца, чем такого, который пьет, а потом бьёт тебя кастрюлей по голове.

— Мама приходит. Только она занята на работе — кто-то же должен деньги зарабатывать. А этот, папаша мой, деньги пропивает.

— А мама у тебя хорошая?

— Мама хорошая. Она в двух домах подъезды моет, чтобы было, что есть. Да и отец нормальным был, пока его начальником не сделали. А потом стал пить... А что с тобой было-то? Почему ты так

крепко заснула? — просила Тамара после того, как суп был съеден и тщательно вымытая банка переместилась в Надину тумбочку.

— Да не знаю я... — с каким-то отчаянием произнесла девочка, — поругалась с подружкой, потом пришла домой. Захотела спать, легла... ну, и вот...

— А чего поругались-то?

Наде очень захотелось поделиться хоть с кем-нибудь тем, как ей было обидно, когда Алка говорила, что выбрасывает еду в форточку, что ей мама не разрешит с ней, с Надей, дружить... Она подумала, что Тамара поймет её, посочувствует, но в ответ прозвучало:

— Дура ты. На фига тебе такая подруга, которая тебя унижает. Пошли её подальше.

— Но со мной никто, кроме нее, дружить не хочет...

— А она, значит, хочет? Да она и дружит-то с тобой только потому, что с ней самой никто связываться не желает.

Тут Надя подумала, что Тамара, наверное, права. С Алкой тоже никто из класса не общается. Хотя, когда у Ромки Поповича был день рождения, то Алку пригласили, а её, Надю, нет... Она сказала об этом Тамаре.

— Дура, она дура и есть. Это потому, что Алка из богатых. Твой Ромка надеялся на дорогой

подарок. А с тебя что возьмёшь? — со взрослой значительностью объяснила девочка.

— Ой, какая ты умная, Тома. Тебе сколько лет?

— Мне скоро четырнадцать, но это не от «лет», это от «мозгов» умными бывают...

В это утро и все последующие дни, проведенные в больнице, девочки много разговаривали. Вместе ходили на процедуры, гуляли в больничном парке, когда Наде разрешили выходить на улицу.

Врачи, так и не поняв, что явилось причиной такого краткосрочного летаргического сна, выписали Надю домой под наблюдение участкового педиатра. Неделей раньше выписали и Тамару, но девочки успели обменяться адресами и телефонами.

11

Дома все было по-прежнему, за исключением одной детали. Вместо старого короткого с круглыми откатывающимися подлокотниками дивана стоял, поблескивая полированными боковыми панельками, новый, широкий и длинный.

— Это я теперь на нем спать буду? — воскликнула счастливая Надя.

— На нём. Нравится? — Мария Ивановна оглянулась на улыбающегося Николая Гавриловича

и улыбнулась тоже.

— Очень! Ой, как здорово! Как же я вас люблю!

Надя подскочила к бабушке и, обняв её за шею, поцеловала в щеку. Мария Ивановна похлопала её по спине, потом смущенно отвернулась:

— Пошли обедать. Сегодня борщ. Дед варил. Вкусны-ый...

В школе тоже всё было, как и прежде. Надя с гордостью рассказала Алле о Тамаре. О том, что теперь она дружит с девочкой из другой школы, которая старше самой Нади на год, даже на полтора: о больнице и её порядках, о добром докторе Юрии Ивановиче и других врачах, которые так и не смогли понять, почему Надя так долго спала, и никто не мог её разбудить. Алла слушала, на удивление, внимательно.

— Знаешь, а я ведь никогда не лежала в больнице... — сказала она задумчиво, — страшно? Там, наверное, умирают...

— Там, где я лежала, никто не умер, — честно призналась Надя, — но, знаешь... когда меня возили на рентген, я видела одну девочку... ой, да ладно...

— Что? Она что, умерла? — у Аллы загорелись глаза. — Умерла? Да?

— Нет, но ...

— Но что? Что? Расскажи?

— Она, наверное, скоро умрет...

Надя внимательно посмотрела на Аллу. Она никогда не проявляла такого интереса к тому, что рассказывала подруга. Всегда слушала с недоверием, перебивала и начинала, хвастаясь, рассказывать что-то своё.

— Да ты не поверишь все равно...

— Расскажи... пожалуйста...

— Понимаешь, возле той девочки стояла женщина. Очень красивая. В черном платье. Я уже видела её однажды. Возле одного мальчика. Потом мальчик умер. Его машина сбила. В Германии. Я узнала её... эту женщину...

— Да-а-а, Надежда... у тебя, похоже «крыша поехала» от долгого сна... — захихикала Алла.

— Я же говорила, что не поверишь... зачем тогда спрашиваешь? — резко повысив голос, ответила Надя.

У Аллы глаза на лоб полезли: как, эта ущербная еще и кричать умеет? На кого? На неё, Аллу? Точно, что-то с ней не так. Больная. На всю голову.

12

Время шло... Быстро пролетали дни... недели... месяцы... Один год сменялся другим. В

9-В средней школы № 6 царила атмосфера любви и возбуждения. Каждый был в кого-то влюблен. Гормональный фон «вибрировал», «кружил головы» и «бросал» подростков в объятия друг друга.

Алла постепенно завоевала авторитет в классе. Училась она хорошо и была эффектной девочкой. Еще в конце прошлого года, весной, ей признался в любви самый авторитетный мальчик класса — Кирилл Иванов. Ему хотелось бросить вызов общественному мнению, и Аллочка, покрутив немножко своим симпатичным носиком для «затравки», разрешила проводить себя домой. В десятом Кирилл и Алла встречались почти серьезно. Целовались, гуляли в парке по вечерам, ходили друг к другу в гости, когда дома не было родителей.

Подростки разделились на «кучки», в которых с упоением обсуждались любовные открытия и приключения. Единственным ребенком, который не входил ни в одну из «кучек» ни в восьмом, ни в девятом, ни в десятом классе и не имел никакого «любовного» опыта, была Надя. И не потому, что она была несимпатичной девочкой или её гормоны «не играли». «Играли!» Еще как «играли». Но она не подчинилась общественному детскому мнению и, вместо того чтобы прогнуться под «сильных», осталась независимой одиночкой. Её считали

«синим чулком», а иногда даже откровенно издевались. Как бы ей хотелось, чтобы какой-нибудь мальчик предложил ей дружить! А потом бы поцеловал её. И все бы увидели тогда, что она такая же, как все.

«Я бы всё-всё для него сделала, — мечтала девочка, — конечно, как можно меня уважать, если на прошлый Новый год все ребята класса собирались встречать его у Кирилла, а меня бабушка не пустила. Всем разрешили, а мне — нет. Вот они и считают меня маленькой... А ведь там даже наша «классная» была, Ольга Федоровна. Но я им все равно докажу, что я такая же, как и они. Всем докажу!»

Что-то в глубине души подсказывало, что никому ничего доказывать не нужно. Что им всё равно. Всем. Что всех людей заботит только свое собственное благополучие, и думают они только о своих чувствах. Но ребенок в пятнадцать лет прислушаться к «нашептыванию» души не умел. Надя нещадно завидовала «нормальным» одноклассникам.

Но зато она дружит с Тамарой. И Тома уже давно рассказывает Наде о своих любовных похождениях. Она уже давно перешла от поцелуев к «настоящей взрослой любви», но Надя дала ей обещание, что ничего никому не расскажет. Вот и «носила» это знание в себе, не рассказывала, хоть и

очень хотелось.

Тамара после восьмого класса поступила в профессионально-техническое училище и через год, получив диплом маляра-штукатура, применяла полученные знания на строительстве нового студенческого общежития, где позже, по окончании строительства, и получила комнату.

Рослая, статная, вполне сформировавшаяся молодая женщина. Её светлые волнистые волосы развевались воздушной шапкой вокруг головы. Голубые с хитринкой, можно даже сказать, «сатанинкой», глаза девушки смотрели на мир уверенно и нагло.

У нее появились «свои» деньги, на которые она покупала себе модные короткие юбки и туфли на шпильках, и «своя» жизнь, наполненная любовными событиями, которыми она без стеснения делилась с Надей.

Девушки собирались у Тамары дома. Мать на работе, отец пьёт или спит пьяный в своей комнате. Подружки слушали новую музыку на магнитофоне, который подарил Тамаре один из её кавалеров, разговаривали, а иногда даже пили дешевое вино.

К старому Хандусю частенько приходили его друзья-собутыльники. Приносили самогон, дешёвую «бормотуху» или, на худой конец, довольствовались лосьоном «Огуречный», который на тридцать процентов состоял из спирта.

Однажды летом, когда и для Нади прозвенел «последний звонок», девочки в очередной раз проводили время в Тамариной комнате, отмечая полученный Надей аттестат зрелости. Девочка заметила на себе внимательный взгляд одного из молодых мужчин, распивающих на кухне «горячительное» вместе с Тамариным отцом. Ей было неприятно, и она подумала, что уж слишком он старый и страшный. Зэк, наверное... И тут же забыла о нем, увлекшись списыванием слов новой песни популярного певца и композитора Юрия Антонова. В то время было модно вести дневники и знать слова популярных эстрадных песен.

«Несет меня тече-е-ние-е-е, сквозь запахи осе-енние-е-е...» — подпевала Надя проигрывателю.

Отец Тамары несколько раз зачем-то подзывал дочь и говорил ей что-то. Тамара кивала, поглядывая на подружку, и улыбалась.

— Мы не мешаем? — спросила, вдруг почувствовав себя неуютно, Надя. — Может, пойдем ко мне?

— Не, все нормально. Это батя так... просит за хлебом сходить...

— Я с тобой!

— Да посиди ты... я быстро!

Тамара, как-то странно посмотрев на оторопевшую Надю, быстро выбежала из дома.

Оставшаяся в обществе пьяных мужиков девочка, почувствовав неладное, встала и направилась к выходу.

«Бежать! Бежать!» — исходило откуда-то изнутри.

К сожалению, выход из дома пролегал через кухню. Проходя мимо мужчин, Надя, улыбнувшись, пролепетала:

— Я тоже пойду. Меня мама ждет уже... до свидания...

Но вдруг, чья-то грубая рука схватила её за талию.

— Ку-у-да?

— Домой....

— А с нами выпить?

— Я не пью... пустите... мне больно....

Она пыталась освободиться от мерзкого мужика, который прижимал её к себе все сильнее. Это был ТОТ зэк. От него противно несло потом и перегаром. Черные кучерявые волосы прилипли к его смуглому потному лбу. Надя скривилась. Попыталась оттолкнуть его и вырваться.

— Гы-гы-гы-гы, — «заржали» мужики, — попалась, рыбка...

— Ой, дяденьки, пустите меня... пожалуйста... мне домой надо...

— Да как же это мы тебя отпустим, если ты такая хорошенькая... лапочка, — он притянул

девочку к себе и стал елозить мокрым, скользким, отвратительно воняющим ртом по её губам...

— Теперь я, — другой мужчина, похожий на засушенную воблу, потянул Надю за руку, вырвал её из объятий смуглого и сам впился таким же гадким поцелуем в её девственные губы.

Их было четверо. Они выдергивали её друг у друга и обмазывали вонючими слюнями её губы, шею, маленькую упругую грудь.

Надя отбивалась изо всех сил. Пыталась кричать, бить их руками и ногами, но пьяные мужики только похотливо гоготали и, в конце концов, распластали бедную девочку на столе. Они по очереди насильовали её. У самого Хандуся от пьянства уже давно ничего не поднималось, тогда в ход шли грязные пальцы и другие подручные материалы, похожие на «мужское достоинство». Хотя о каком достоинстве может идти речь? Эти потерявшие человеческий облик индивидуумы мужского пола делали с ней всё, что только подсказывало им их залитое алкоголем воображение. В конце концов истерзанная Наденька лишилась чувств. И мужики, то ли потеряв интерес к бесчувственному телу, то ли устав от полученного извращенного удовольствия, расползлись по домам, оставив растерзанную девочку на полу.

— Боже! Боже! За что?

Надя медленно разлепила глаза. Было темно, но фонарь, стоявший неподалеку возле какого-то дома, освещал то место, где лежало её истерзанное тело. Она всё помнила. Всё! Боже! Что делать? Как же я теперь домой? А жить теперь как? Как?!

Ей было очень холодно. Что-то мокрое и липкое окружало девочку. Тело била крупная дрожь. Болело все! Она поднялась на локте и огляделась вокруг. Голова закружилась, и её вырвало. Стало полегче.

Темно, но Надя поняла, что лежит в какой-то канаве, полной воды и грязи. Как я здесь очутилась? Кто бросил меня в эту грязь? Надя посмотрела вниз и увидела, что жижа, в которой она лежит, какого-то неестественного красно-коричневого цвета. Она зарыдала и опять опустилась в бурюю субстанцию, закрыв глаза руками. Паника охватила её, зажав в безжалостном объятии так же сильно, как это делали те пьяные нелюди, которые терзали её, а потом выбросили, как порванную тряпичную куклу, в канаву, полную красной жижи.

«Как же я теперь домой? Ночь! Что я скажу..? Как жить? Всё, о чем я так мечтала... Вот так первый поцелуй! Вот так первый мужчина!!! Я не

хочу, что бы так было... Я не могу... Не могу!! Не могу-у-у!!!»

Надя попыталась встать, но ноги совсем не держали её. Они были в крови, а внизу живота тянуло вниз и ныло так, как будто его сначала резали ножами, а потом насыпали туда соли. Она опять плюхнулась в грязь и разрыдалась в голос.

«Так мне и надо... права бабушка... я такая же, как моя мать... О господи!!! Почему?! Почему? Я не хочу! Не хочу, чтобы так было!!!»

Надя встала на четвереньки и выползла из канавы. Тут она снова посмотрела на свои ноги, которые отказывались ей служить, и опять зарыдала.

Она лупила своими маленькими кулачками по земле, плакала и ненавидела себя больше всего на свете!

«Почему с другими такого не происходит! Почему со мной? Господи! Пусть эти ублюдки все сдохнут! Они убили меня! Убили! Я же не сделала им ничего плохого! Что я скажу теперь бабушке?! Как я смогу теперь жить?! Как?! Я не смогу! Пусть они все сдохнут!»

Инстинктивно девочка поползла с открытого места. Неподалеку она увидела какое-то поле. На краю его довольно густо росли крупные деревья. Надя заползла между них и затаилась. Она не знала, что ей делать. Куда идти? Как скрыть свой позор? О

том, чтобы пойти в милицию, не могло быть и речи. Тогда уж точно все узнают, какая она. Все будут осуждать ее и смеяться над ней. Все будут считать её бл...ю, такой же, как и её мать. И бедная бабушка с дедом... как же они теперь?

Всю ночь и весь следующий день до темноты Надя пролежала там, под деревом, сжимаясь в малюсенький комочек и затаив дыхание каждый раз, когда мимо посадки проходили люди или проезжал велосипедист. А вечером, когда голод стал невыносимым, она поднялась и поплелась домой, присаживаясь и пережидая каждый раз головокружение или боль в животе. Пусть бабушка ругает её, пусть даже убьёт... Даже лучше, если убьёт. Тогда все закончится раз и навсегда... А вдруг она поймёт, что Надя ни в чём не виновата: она не могла справиться с четырьмя пьяными мужиками. Вдруг она пожалеет её, поможет... Надя слышала и читала в книжках о том, что родители всегда понимают и защищают своих детей. «В жизни с каждым может случиться любая неприятность, — говорилось в умных книжках. — Никто от такого не застрахован».

Но чуда не произошло.

14

Мария Ивановна кричала на Надю, обзывала и

хлестала по щекам.

— Бл...дь! Проститутка!!! Дошлаешься, сука!!!
Господи! За что мне такое наказание?! Ленка выросла шлюхой, теперь еще и эта!!!

Убирайся, откуда явилась! Убирайся к своим ё...рям! Убирайся! Ненавижу!!!

«Всё. Никакой надежды... И зачем меня Надей назвали? Смешно... Смешно? Удавиться хочется — так смешно... Надо куда-то уехать... Вот, даже уезжать теперь надо... как матери».

Надины мысли путались. Она никак не могла сосредоточиться на чём-то одном. Внутри, в области грудной клетки, опять ужасно болело. Так сильно, что даже боль внизу живота казалась незначительной.

— Вот тебе! Вот тебе, — продолжала негодовать Мария Ивановна, хлеща Надю её вещами. — Вон! Убирайся! Убирайся!

— Я уйду... мам...

— Не называй меня матерью, — завизжала разгневанная женщина, — не мать я тебе! Вон! Там, в Караганде, твоя мать, вот к ней и езжай, на пару там будете мужиков обслуживать!

— Хорошо. Дай мне немного денег... пожалуйста, — тихо попросила Надя, не поднимая глаз.

— Кол тебе в задницу, а не денег! Уходи.
Взрыв злости стал ослабевать.

— Пап, дай мне денег... чтобы я могла...

— Уходи, ради бога... пока я тебя не убил, — проронил Николай Гаврилович, который все это время молчал, и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Надя молча собрала разбросанные вещи, сложила их в свой школьный портфель, а что не поместилось, запихнула в авоську с большими дырками и тихо, как будто на цыпочках, вышла из дома. Она и сама не знала, куда пойдет. Просто плелась и плелась, не разбирая дороги. Слезы застилали глаза. Болело в груди. Болел живот. Сумки, которые на самом деле были легкими, казались неподъёмными и тянули к земле.

Наверное, «генетическая карта» или еще какие-то силы привели девушку на вокзал.

«Так же, как мать», — в очередной раз сравнила себя со своей родительницей девушка.

15

Вокзал, как всегда, был полон людей. Одни приезжали, выходили к городу или усаживались на скамейки в ожидании следующего поезда. Другие, сидевшие или спавшие на тех же скамейках, поднимались и уходили, когда диктор объявлял прибытие очередного поезда. В дальнем углу зала ожидания Надя увидела пустые полскамейки и

направилась туда. На второй половине сидела толстая тетка, поставив огромную корзину рядом с собой, жевала аппетитный беляш. Под скамейкой спала небольшая рыжая собака. Возле неё лежал кусочек пирожка, положенного кем-то добрым. Собака не съела его, видимо, была сыта, а у Нади ничего не было во рту уже почти двое суток. Она присела в уголок, наклонилась, как будто для того, чтобы поставить сетку с вещами под скамейку, и незаметно взяла пирожок. Оглянулась. Никто на нее не смотрел. Жуя этот черствый, отобранный у бродячей вокзальной собаки огрызок пирожка, Надя подумала:

«Неужели мне теперь всегда так жить? Разве это жизнь? Может, под поезд, как Анна Каренина... А! — какое-то заторможенное безразличие появилось в её суждениях. — Сама умру, кровь-то не останавливается...»

Надежда провела на вокзале два дня. Несколько раз она почти была готова позвонить своей однокласснице Алле или Ольге Федоровне и попросить помощи, но в последний момент отступала. Уж очень не хотелось, чтобы все знали, что с ней произошло. И что все были правы, когда не хотели с ней дружить и не принимали её в свою компанию. Надя то ходила по вокзалу, рассматривая плакаты по технике безопасности и рекламу, то собирала бутылки, мыла их и сдавала,

чтобы купить на вырученные деньги какой-то еды, то сидела где-нибудь в темном уголке и плакала. Кровь уже не шла так сильно, но Надя всё равно слабела всё больше.

В конце второго дня Надя уснула. Ей снился удивительный сон. В школе она никогда не была сильна в математике. Особенно в алгебре. Девушка никак не могла взять в толк, что это за «а», «в», «с». Зачем нужны «Х» и «У». Было бы гораздо легче, если бы вместо этих букв были цифры. Тогда и считать как-то можно. А тут вот как из «в» вычесть «а»? В общем, туго у неё было с математикой. А тут, во сне, она такая умная, и всё-всё знает. А учитель, очень похожий на Альберта Эйнштейна, хвалит её, гладит по голове и успокаивает.

— Ты только потерпи, — говорит он, — все наладится... Главное, прислушайся к своей Душе...

— Как же я могу прислушаться, если она все время болит...

— А она, бедная, и болит, потому, что ты её не слышишь...

— Прямо замкнутый круг какой-то...

Тут добрый Эйнштейн еще раз погладил её по голове, улыбнулся, наклонился и поцеловал в лоб так, как она всегда мечтала, чтобы её поцеловала бабушка, а потом, вдруг нахмурившись, схватил её на плечо и стал трясти...

Надя открыла глаза и увидела перед собой

милиционера. Он совсем не был похож на Эйнштейна. Простоватое круглое лицо. Короткая стрижка, милицейский головной убор.

«Ну вот... сейчас в тюрьму посадят...»

Милиционер, увидев, что девушка проснулась, приставил руку к козырьку и представился:

— Старший лейтенант Малёваный. А у вас, гражданочка, документики есть? Куда следуем?

— Никуда не следуем, — Надя терла сонные глаза и пыталась сконцентрироваться на лице милиционера. — Документы? Да... есть паспорт... только он дома... — она с ужасом вспомнила, что, уходя из дома, даже и не подумала о том, что надо бы захватить с собой документы.

— А где у нас дом?

— А... нигде, пока....

— Тогда, дамочка, следуйте за мной, расскажете, что такое с вами произошло. Кстати, как ваше имя-отчество?

— Надя... Ярош Надежда Андреевна...

— Хорошо, Ярош Надежда Андреевна, пойдёмте.

— Вы меня в тюрьму, да? — испуганно спросила Надя.

— А что, есть за что? — лукаво посмотрел на нее капитан.

От этой «лукавости» Надю немного

отпустило. Ей не был противен или страшен этот, пусть не совсем молодой, но и не совсем старый милиционер. Она даже подумала: «Может, он мне поможет?»

И он помог. Добрый старлей с украинской фамилией Малёваный работал в привокзальном линейном отделении милиции не первый год и был тут начальником. Работой своей не то чтобы гордился, но считал её необходимой и относился к людям с уважением, которое ему с детства привили родители. Выходец из сельской интеллигенции (родители его были учителями в сельской школе), он был прост и трудолюбив.

Наде повезло. После того как она, опустив глаза «долу», рассказала ему всё, что с ней произошло, не забыв упомянуть о том, что, во-первых, никогда в жизни не вернётся домой, а во-вторых, ничего не будет писать на насильников. Все уже совершилось, а она совсем не хочет стать посмешищем для всего города и принести еще больший позор своим бабушке и деду, легче умереть. Ей и в голову не пришло, что уж большего позора, чем то, что её, изнасилованную и истерзанную четырьмя пьяными взрослыми бугаями, не показали врачу, а, как шкодливого котенка, вышвырнули в никуда, быть уже не может. Она много думала об этом. И еще о том, как она оказалась в канаве. Кто её туда «бросил»? Тамара?

Знала ли она, что с ней должно было произойти, когда уходила за хлебом или нет? Уж как-то странно она смотрела на Надю, когда разговаривала с отцом. Об этом страшно было думать, но она всё-таки не могла выбросить эти мысли из своей юной головки и склонялась к тому, что все-таки знала.

Малёванный даже обрадовался, что Надя не собирается подавать на пьяниц-насильников. Зачем ему лишняя головная боль? У него и так много работы. Доложив по уставу, решил сделать один звонок неуставной:

— Седьмой участок, участковый Поликарпов. Слушаю вас, — ответила трубка.

— Серж. Привет. Малёванный. Я тут девочку одну подобрал на вокзале. Лет шестнадцати... Нет, не похоже... Нет... не пьяная... но... изнасилованная твоими...

— Черт! Она что, написала заявление? Почему тебе?

— Нет. Заявление писать не хочет. Но я прошу тебя, проверь адрес: переулок Котовского, 27. Уж больно девчущку жалко. Молоденькая совсем.

— Ё-пе-ре-се-те! Опять старый Хандусь! Насильник хренов. Я думал, у него не стоит уж давно.

— Да их там четверо было...

— Сколько!?! Ладно, Толь, спасибо. Наведаюсь. С девочкой-то хоть все нормально?

— Ну, не знаю... вряд-ли... Пока определю её в больницу. Позже разберёмся.

16

Больница, в которую определил её старший лейтенант, была областного значения. Большое многоэтажное здание. Каждое отделение занимает целый этаж. Вообще-то она была для людей, которые приезжали сюда из других районов области, но Малёванный, несмотря на то, что у Нади даже не было документов, силой своей власти определил Надю к «областному светиле» гинекологии — профессору Бондаренко Игорю Вениаминовичу. Отделение находилось на шестом этаже девятиэтажного здания. Надю доставили туда на каталке, настолько слаба она была.

На этот раз ей ни с кем знакомиться и даже разговаривать не хотелось. Свернувшись калачиком под больничным одеялом, она плакала, оградившись от всего мира, вот уже третьи сутки подряд. Во время обходов врачей позволяла осмотреть своё растерзанное тело, а потом опять начинала тихонько, чтобы никого не потревожить, скулить.

За это время девушку осмотрели все

возможные врачи-специалисты и сделали необходимые назначения. Сочувствующие медсёстры делали уколы, заставляли глотать таблетки. Самые щедрые даже приносили угощение. Надя выполняла всё с равнодушной отрешённостью. Ела, пила. Тело её шло на выздоровление, а вот Душе было совсем худо.

Девушка не спала. Не могла. Она всё время думала и плакала, плакала и думала. И даже укол снотворного не смог заставить её отключиться.

17

Душа страдала. Мучилась. Горела. Ей казалось, что она кричит во весь голос, обращаясь к Разуму:

«Надо жить! Надо успокоиться и жить дальше! Надо дать возможность девочке выспаться. Понимаешь? Ох, как мне больно! Я сгораю! Ну, пожалуйста, надо расслабиться, отключиться на время...»

Но то ли голос Души был слаб, то ли Разум не желал прислушиваться к Душе, но её не слышали. Мозг был возбуждён до крайности и, как лошадь, закусившая удила, несся к краю обрыва, за которым должно было быть спокойно и комфортно. Ни тебе мыслей, ни боли, ни страданий. Ничего. Красота.

Вечером третьего дня Надю навестил Анатолий Малёваный.

— Здравствуй, Надя. А я принес тебе привет от твоих... — он деликатно не назвал родственников, опасаясь, что это опять вызовет у девочки приступ слёз.

Но Надя даже не пошевелилась. Она продолжала лежать на спине, уставившись в белый больничный потолок открытыми, но ничего не видящими глазами.

— Надюш. Они очень сожалеют, что не сдержались и так поступили с тобой. Они были очень расстроены. Твои бабушка и дедушка хотят, чтобы ты вернулась. Вот, Мария Ивановна тут тебе передачку собрала, супчик, котлетки... ты же любишь котлеты? Они там, в коридоре... Ждут... Поговорить хотят...

Надя не шевелилась. Казалось, она даже не замечает, что кто-то обращается к ней, что кто-то ещё находится в этой палате, кроме неё. Но это было не так. Каждое произнесенное старшим лейтенантом слово противным скрежетом ржавого ключа, открывающим давно забытый замок двери, ведущей в потайную комнату души, отзывалось в девушке, и её, словно пружину, сжимало все туже и туже.

А милиционер, не заметив никаких изменений на Надином лице, продолжал:

— Я тебе паспорт принёс... Знаешь, ведь «без бумажки ты — букашка, а с паспортом — человек», — он опять попытался пошутить.

— Зачем? — голос Нади прозвучал глухо и безжизненно.

— Что зачем, Надюш? — Малёванный не сразу понял, к чему относился вопрос.

— Возвращаться зачем?! Паспорт зачем?! Всё зачем?!

— Ну, что значит: зачем? Надо же как-то жить...

— Зачем жить..?

Она медленно села на кровати и, старательно избегая взгляда милиционера, уставилась в пол.

— Вы могли бы мне налить стакан воды из крана? — попросила она, не отрывая взгляда от пола.

— Да, конечно, сейчас.

Он взял стакан и направился к умывальнику, который находился на противоположной стене палаты. В то время как он открывал кран, чтобы набрать воды, девушка открывала окно. Она подошла к нему, пока старший лейтенант шёл к умывальнику. Почувствовав дуновение ветра из открытого окна, Малёванный оглянулся и увидел Надю, стоящую на подоконнике...

— Пусть они все умрут. Все, — очень тихо и слишком спокойно произнесла Надя и шагнула в пустоту.

— Стой! Не надо! Стой! — он кинулся к ней, но было поздно: девушка летела вниз, не издав больше ни звука.

— Срочно! Врача! Вниз!!! О господи!!! Зачем, Надя! Зачем?!

Малёванный затарахтел каблучищами по ступеням.

По всем отделениям затрезвонили телефоны, заскрипели лифты, затопали ноги врачей, бегущих по ступеням вниз.

В больничном дворе, где на траве лицом вниз лежала худенькая девушка, уже собрались любопытные. В больничной, на два размера больше, ночнушке Надя казалась совсем маленькой девочкой. Она лежала на животе, раскинув руки в стороны. Из рта вытекала струйка крови.

— Не трогайте! Не трогайте её, — закричал бегущий человек в белом халате, увидев, что какой-то любопытный подошёл вплотную к лежащей девушке и собирался заглянуть ей в лицо.

— Не трогайте! — медсестра с чемоданчиком была уже рядом с Надей.

«Не шевелите её! Не трогайте», — доносилось отовсюду.

Наконец Надю окружили люди в белых

халатах. Был среди них и хирург-травматолог Коваленко Константин Николаевич. Он опустился на одно колено и наклонился к самой земле, приподнял Надино веко: зрачок, среагировав на свет, сузился — жива.

Медсестра с чемоданчиком открыла его ещё на ходу. Достала ампулу морфина и, ловко сломав её кончик, набрала шприц и вколола препарат девушке. Потом, очень медленно повернув голову девушки прямо, зафиксировала воротниковую зону шеи шиной.

— Руки, — скомандовал Коваленко. И трое врачей, дружно подсунув руки под тело девушки, одновременно приподняли её и переложили на носилки, ловко перевернув на спину.

— Быстро! Быстро! В операционную! Второй этаж! Подготовили?!

— Пульс?

— Не до пульса сейчас. Потом разберемся. Быстрее! Быстрее!

* * *

Душа, глубоко вздохнув, уже собралась покинуть тело Нади Ярош, но тут прямо перед собой увидела Ангела У, похожего на совершенно растрёпанного Эйнштейна.

— Нет, — он покачал седой лохматой головой. —

Не теперь. Мы должны быть с ней. Особенно сейчас, — он сделал ударение на последнем предложении.

— Почему же ты не остановил её? Почему позволил, — завопила Душа что было мочи, — почему? Почему?

Конечно же, её никто не услышал. Никто, кроме качающего головой Ангела-хранителя Y.

— Не мог, — грустно сказал Эйнштейн. — Нельзя вмешиваться, понимаешь? Не имею права...

— Нет, не понимаю. Тогда нельзя было! А теперь можно? Ничего я не могу понять в ваших правилах! Что мне теперь прикажете делать? Что?!

Душа случайно увидела свое отражение в отполированной поверхности лампы в операционной и замолчала. Если она думала, что была кроваво-красной в то время, когда Надю обидела подруга, то ошибалась. Тогда было «ничего» по сравнению с тем, что она увидела в отражении лампы сейчас. Как будто насыщенно-красное вино, переливаясь из одной ёмкости в другую, подсвечивалось солнцем. Или огнем.

— О боже! — только и смогла вымолвить она и затихла...

Эйнштейн обошел кругом операционный стол, на котором лежала девочка, слева направо. Подошел к нему со стороны головы и заглянул ей в лицо. Потом положил руку на середину груди и, закрыв глаза, застыл на минуту. Прodelав все это, он отошел вглубь операционной и стал наблюдать.

Тем временем врачи боролись за жизнь Нади

Ярош. Когда её доставили в операционную, она была формально мертва. Дыхания и пульса не было. Но анестезиолог уловил слабые подрагивания сердечной мышцы и сухо произнес:

— Спасаем!

* * *

Как было хорошо... Тихо, спокойно. Ничего не болело. Ничего не тревожило. «Почему я здесь? Кто я? И вообще, что происходит? Ах, да... но...»

Надя открыла глаза и увидела старую женщину в изысканном красном бархатном платье с украшениями из серебра и граната на руках и шее. Белые волосы распущены и уложены крупными локонами. Казалось бы, совсем не подходящая прическа, да и платье, для старой дамы, но женщина выглядела великолепно. Она стояла перед кроватью Нади, смотрела на неё и улыбалась одними кончиками губ. Но в зеленых глазах был укор. За её спиной стоял еще один человек в светлом костюме. Надя узнала в нем великого математика Альберта Эйнштейна, которого частенько видела во сне, подумала: «Интересно, что они все тут делают?» Эйнштейн подмигнул ей, улыбнулся, но с места не тронулся. Зато подошла женщина, поправила одеяло и, наклонившись, нежно коснулась губами Надиного лба. От

элегантной старушки пахло чем-то приятным: то ли цветущим лугом, то ли грозой, то ли розой.

— Вы кто? — спросила Надя.

— Я — та, которую ты не ценишь, дорогая моя. Жизнь любить надо...

— А за что её любить? Я думала, она счастливая и радостная, а она такая ужасно сложная и... несправедливая...

— Тебе придется полюбить её такой, какая она есть... И потом, быть сложной совсем не значит быть несчастливой. Всё зависит от тебя самой, моя милая. Но я точно знаю, у тебя всё будет хорошо.

— А! Не будет уже...

— Будет, обязательно будет, — женщина рассмеялась так, как будто капельки дождя застучали по оконному стеклу.

— Но что же мне делать, чтобы моя жизнь стала счастливой?

— Если бы ты знала это, то никогда бы не совершила того, что сделала. Но я уверена, что ты поймешь. Со временем. Жизнь прекрасна. Запомни это хорошенько, Надя Ярош. Живи, тебе еще многое надо понять и сделать в твоей судьбе. На тебе большая ответственность.

— Какая ответственность?

Зеленоглазая старушка, не ответив, легко, как будто она была балериной, наклонилась, потянулась к девочке и коснулась её. Рука была

теплая и, несмотря на то, что старушка казалась худой, мягкая. Девочке показалось, что это бабушка Мария Ивановна обнимает её нежно-нежно и целует так, как она мечтала об этом в детстве. Она почувствовала, как животворное тепло передаётся ей.

— Слушай свою Душу и будь осторожна с тем, чего желаешь... — зашелестело рядом.

Эйнштейн, приложив руку к груди, склонился в почтительном поклоне, и женщина в элегантном красном платье растворилась в воздухе.

Надя тут же провалилась в глубокий сон.

19

Сначала было темно или, даже можно сказать, было никак. Потом стало тяжело и очень больно. Кто-то огромный грязными сапожищами сорок пятого размера встал на грудь. Было трудно и больно дышать. В голове мутилось и тошнило. Казалось, оттуда вытащили мозги и вместо них налили раскалённый свинец.

«Но нет, — подумала Надя, — тогда бы я ничего не чувствовала».

Болели левая рука, грудь, живот. Больше она не чувствовала ничего. Ей хотелось заплакать, но на это у неё не было сил. Всё, на что она была способна, — это бороться с болью.

— Ну, здравствуй, птичка ты наша, — произнёс кто-то красивым, но жёстким баритоном.

— Зсссе, — губы и язык не желали повиноваться.

— Я твой лечащий врач Константин Николаевич Коваленко. Лежи, лежи, не шевелись, — произнес он, увидев, что Надя попыталась сделать какое-то движение, — не буду тебя сейчас спрашивать ни как ты себя чувствуешь, — знаю, что плохо; ни зачем ты это сделала, об этом мы с тобой поговорим, когда ты поправишься, — продолжал доктор, — я только скажу, что у тебя разбита голова и наверняка присутствует сотрясение мозга, поломана левая рука, но всё это ерунда по сравнению с травмой позвоночника. И предстоит тебе теперь, птица ты наша Феникс, стать сильной и терпеливой, если хочешь опять ходить... А теперь — баиньки.

Надя ничего не поняла из того, что говорил доктор, кроме того, что она не будет ходить. Она хотела узнать, почему, и, сквозь неплотно прикрытые веки увидев приблизившуюся к ней тень, собиралась спросить её об этом. Но тень зачем-то наклонилась над ней, и через несколько минут глаза её закрылись. Она уснула и не услышала, как доктор ласковым голосом прошептал:

— Дурочка, — и погладил её по голове.

Несколько дней Надя провела как в тумане. Она то наполовину высывалась из плотного вязкого облака небытия, то опять ныряла в него с головой. Иногда ей казалось, что её с ложечки кормит бабушка. Девочка не могла вспомнить, кормила её бабушка в детстве или нет, но теперь ей это было неприятно. Мария Ивановна все время плачет, а Наде бабушку жалко.

Иногда она видела врача. Он что-то рассказывал ей, объяснял. Красиво очерченные губы улыбались, но глаза всегда оставались серьёзными и сосредоточенными. Иногда он был в белой медицинской шапочке, иногда без неё. Тогда Надя могла видеть его тёмные густые аккуратно подстриженные волосы. Доктор, Надя никак не могла вспомнить его имя, был молод, высок и красив.

Боль тяжелым раскаленным металлом разливалась по верхней части тела. Малейшая попытка пошевелиться приводила этот «раскаленный металл» в движение, и он обжигал изнутри мозг, грудь, руки, живот.

«Интересно, а куда подевалась нижняя половина моего туловища? — подумала Надя. — Может, её ампутировали? Хотя нет, врач... вот,

чёрт, опять забыла, как его зовут, по-моему, говорил, что я буду ходить... Или не буду? Что же он говорил? Нет, не помню».

Каждое последующее пробуждение приносило всё больше и больше ясности и всё больше страха и боли. Увеличивался и период бодрствования. Но по мере того как к девушке возвращалось сознание, сама Надя «закрывалась» от мира. Никто её не спрашивал, помнит ли она, что с ней случилось. Почему она решила убить себя? Но даже если б кто-то и спросил, то Надя не ответила бы. Не потому, что не знала или не помнила. К её большому сожалению, она помнила всё. Жаль. Если уж не получилось убить себя, хорошо было бы забыть весь этот кошмар. Что-то внутри «шкрябалось» и нашёптывало, что «так нельзя», что жизнь прекрасна, что Надя молодая и красивая девушка, что всё будет хорошо. Но она гнала эти мысли. Гнала подальше. Девушка была абсолютно уверена, что «хорошо» уже не будет никогда. Что она «такая же б...дь, как и её мать», а теперь еще и калека. Почему она такая? Кому она нужна? Её и так никто не любил, а теперь и подавно. А за что её любить? Теперь её можно только пожалеть, а вот жалости как раз ей и не надо.

Сильная рослая нянечка, судя по речи, жительница украинской глубинки, ловко

перестелила Надину постель, с легкостью приподнимая девушку.

— Як ми сьогодні почуваємося? («Как вы сегодня себя чувствуем?») — укр. — Прим. авт.) — спросила она. — Сьогодні з тобою Костянтин Миколайович побалакати хоче. («Сегодня с тобой Константин Николаевич поговорить хочет» — укр. — Прим. авт.)

«А-а... так вот как его зовут... Константин Николаевич. Надо будет запомнить... Хотя зачем?»

Мысли хаотично роились в Надиной голове.

— Я ось тут тобі книжок принесла... Може, почитаєш. А то зовсім захирієш, дитятко... («Я вот тут тебе книжек принесла... Может, почитаешь. А то совсем захиреешь, деточка» — укр. — Прим. авт.)

Надя опять отвернулась к стене. К этой спасительной стене, за которой можно спрятаться от всех. Вот бы загородиться такой же стеной и с другой стороны кровати, чтобы они все отстали от неё и дали возможность спокойно умереть.

Прошло два месяца с её самоубийственного полета. Врачи сделали все возможное, чтобы восстановить основные функции организма. Надя уже могла самостоятельно есть, если её кто-то посадит. Она сразу же отказалась от того, чтобы её кормила бабушка или кто-либо ещё — ей было стыдно.

Мария Ивановна так и не смогла справиться со своей обидой на дочь, на внучку, на свою, как она считала, неудавшуюся жизнь. Их отношения разрушились окончательно.

— Зачем ты это сделала, уродина? — первое, о чем она спросила Надю, когда девочка оказалась в состоянии разговаривать.

— Ма, не надо, а?

— Нет, ты мне скажи. Ты, наверное, не понимаешь, что сделала нашу с дедом жизнь ужасной! Сначала эти мужики, теперь, вот, ухаживай за калекой... Ты представляешь себе, ЧТО ты наделала?!

— Вам не придется ни за кем ухаживать... — еле сдерживая гнев, ответила Надя.

— Как это не придется? А кто же будет за тобой ухаживать? Не хочешь ли ты сказать, что твоя мать заберет тебя теперь и сама будет за тобой горшки выносить?

— Ну вот, а ты еще спрашиваешь, зачем я это сделала? Неужели не ясно? Не хочу быть такой, как моя мать... — что есть силы проорала Надя, а потом, как будто проглотив гнев, тихо добавила: — А ты никогда не думала, что моя мать — твоя дочь! И может, она совсем не такая плохая, как ты думаешь? А? Уходи, пожалуйста. Пожалуйста... И не приходи больше. И плакать больше не надо. Нету меня. Всё. Умерла я.

— Что ты такое говоришь, Надюша? — Мария Ивановна стала отступать назад. — Я не хотела тебя обидеть... Я же... я не знаю, что на меня нашло... Конечно же, мы сделаем все, чтобы ты поправилась... И даже, если ты не сможешь ходить, так люди же живут и так... Ну что ж теперь сделаешь... Будем как-то жить...

Этот полупокаянный монолог прозвучал, как глас вопиющего в пустыне. Надя отвернулась к спасительной стене и не отвечала, не шевелилась, не открыла глаз. «Как-то» жить ей не хотелось.

Мария Ивановна вскоре ушла, а девушка так и лежала, не шевелясь, пока на обход не пришли врачи. Но и тогда она не отвечала ни на какие вопросы. Просто дала возможность себя осмотреть, не более.

Ближе к вечеру в палату зашла уже знакомая нам нянечка. Перед собой она катила инвалидное кресло.

— Ну що, Надійко? В світ? В люди? («Ну что, Надюша? В свет? В люди?») — укр. — Прим. авт.)

Она легко подхватила Надю на руки и посадила в кресло.

— Поїхали-и-и-и!!! («Поехали-и-и-и») — укр. — Прим. авт.)

Она повезла ее по длинному больничному коридору. Больные, нянечки, медсестры, врачи с любопытством разглядывали Надю. Кто-то смотрел

с сочувствием, кто-то с жалостью, кто-то с осуждением. Люди не любят самоубийц...

21

Дородная Наталка, так звали нянечку, подвезла Надю к ординаторской и громко постучала.

— Заходите, — пробасила закрытая дверь.

— Ось, Костянтин Миколайович, привезла («Вот, Константин Николаевич, привезла» — укр. — Прим. авт.), — радостно отрапортовала Наталья, вкатив коляску с Надей в кабинет врача.

— Спасибо, Наташа. Идите. Нам с Надеждой Андреевной пообщаться надо. Как себя чувствуешь, Надя? — спросил врач, когда за нянечкой закрылась дверь.

Надя опустила голову, ничего не ответив.

— Значит так, слушай меня внимательно. Не хочешь разговаривать, не надо, я и сам поговорить могу.

В голосе врача звенел металл.

— Зачем вы меня спасли? — неожиданно проговорила Надя. — Если человек хочет умереть, то у него есть на то причины. Ему надо дать возможность умереть. Понимаете, что вы натворили? — она хрипела от напряжения. — Я не смогу второй раз... не смогу! А жить калекой в

инвалидном кресле... Не хочу я! Не хочу-у-у...

— Это мы натворили? Ну ты даешь, Надежда Андреевна! — он почти весело загоготал, потом, успокоившись, сказал спокойно: — На меня тебе обижаться нечего. Я врач. Я давал клятву Гиппократата. Моя работа — спасать и лечить людей... Претензии к моей работе есть? — произнес он помягче.

— Зачем? Я не хочу жить? Я и так была никому не нужна, а уж теперь... калека... и подавно... зачем вы меня спасли... зачем...

И Надя впервые с того момента, как пришла в себя в больнице, заплакала. Горько, отчаянно, навзрыд.

«Хух... слава богу, оттаяла...» — подумал доктор.

Он уже знал историю изнасилования девочки, ему рассказал капитан милиции Анатолий Малёванный, и он знал, почему Надя сделала это: не каждый сможет такое выдержать. А тут еще и безотцовщина... Бедная девочка...

Когда первая волна отчаяния улеглась, он подошел к креслу, взял Надю под мышки и, легко подняв, прижал к себе.

— Послушай, — зашептал он ей на ухо, — ты все сможешь. Назло всем. Ты непокорная и целеустремленная. Ты молодая и красивая. Ты еще станешь счастливым, успешным и богатым

человеком. Вот увидишь. Ты мне веришь?

22

Врач аккуратно опустил девушку назад в кресло.

— Я не знаю... мне не хочется...

— Надя, жизнь — это такой дар, такой подарок судьбы... он даже не каждому дается. Ты когда-нибудь думала о том, что ты вообще могла не родиться? А ты вот так её не ценишь и не бережешь. Надо бороться. Жизнь прекрасна даже тогда, когда трудно.

«Где-то я уже это слышала», — промелькнуло у девушки в голове. Но вслух сказала:

— Жизнь — подарок? А мне кажется, что всё как раз наоборот. Что подарок — это смерть. Ведь что такое подарок?

— А что такое подарок? — переспросил врач. — Подарок должен приносить радость. Это то, что даётся просто так. Потому что кто-то кого-то очень любит и хочет его счастливым сделать. И ты ничегошеньки ему за него не должен.

— А может, всем только лучше было бы, если бы я никогда не родилась... Я всем мешаю. И только и делаю, что оправдываюсь и плачу, плачу и пытаюсь доказать, что я не... не слон... А мне никто не верит, и не нужна я никому. А коль не

любит меня никто и не нужна никому, так от кого подарок?

— Почему слон? — растерялся Коваленко.

Эскулап даже не понял, почему он это спросил, так его затронула за живое речь этой малолетней. А она продолжала:

— А вот, если бы я умерла... вот тут-то бы все заплакали и зажалели бы меня... И цветов бы нанесли, и стали бы говорить, какая я хорошая была девочка... Зачем вы меня спасли?! Пусть бы он меня раздавил.

— Кто?

— Слон.

— А-а-а... Тогда вот что я тебе скажу, милая девочка Надя, — Коваленко старался говорить ровно и даже строго, хотя его буквально трясло от той энергетики, которую излучала Надя во время своей речи. — Чтобы подобный подарок заслужить, так ещё не раз придётся доказывать, что ты не... что ты достойна того, чтобы тебе несли цветы, жалели тебя и чтобы помнили после смерти. Я не согласен с тобой. Я врач. И многое уже в жизни повидал. Видел, как умирали люди, которым я не мог помочь. Как они хотели жить... Любой подарок заслужить надо.

— Так почему же тогда одним лёгкая жизнь достаётся, а мне... вот.

Надя хлопнула себя руками по

нечувствительным ногам.

— Так ты сама себе такое испытание выбрала. Тебя же никто из окна не толкал. Сама прыгнула.

— А эти?! А те?! А бабушка?! А мама?! — она уже почти кричала и даже не замечала, что слёзы, обжигая щёки, струились по подбородку, стекали на больничный халат. Он был уже совсем мокрый.

— Я не знаю, — Коваленко в доказательство того, что он действительно не знает, развёл руки в стороны, — но я знаю, я читал, что каждому человеку даются испытания по силе Души. У тебя, Надежда Андреевна, сильная душа. И я знаю, ты сможешь всё. И ходить ты будешь. Вот увидишь.

Константин Николаевич стоял бледный, исполненный энтузиазма и вдохновения. Он ещё никогда в жизни не чувствовал себя так. В его медицинской практике были разные случаи. Иногда уставшие от жизни и боли, чаще старые, повидавшие виды люди воспринимали смерть как избавление. Они умирали с благодарной улыбкой на измученном лице. Иногда больные, которым он не мог уже помочь, цеплялись за жизнь из последних сил. Они плакали, злились, негодовали, и лицо такого человека после смерти выражало страдание. Иногда благодаря стремлению пациента выжить во что бы то ни стало и профессионализму медика они вместе побеждали смерть, и это были самые счастливые дни в его жизни. Такие лица

светились решимостью, надеждой, радостью.

— У тебя серьезная травма позвоночника. Поэтому ты не чувствуешь своих ног. Мы сделали всё, что могли на настоящий момент. Теперь все будет зависеть от тебя самой и от времени. Придётся много трудиться. Я вообще удивляюсь, что ты осталась жива. Тебя спасли ветки деревьев, которые притормозили падение, и недавно вскопанная клумба. Если бы ты упала на асфальт... вряд ли тогда тебе кто-то сумел помочь. Учти на будущее, когда решить свести счёты с жизнью, — не без сарказма закончил Коваленко.

— Лучше бы так... Теперь мало того, что меня трахали четверо уродов, так я еще и калека, куда уж прекраснее... Живи, Надя! Как?! Как, я вас спрашиваю, жить!? Я слышала, такие, как я, не ходят! Никогда!

Константин Николаевич проигнорировал непочтительные слова девушки, справедливо оценивая ситуацию, в которой она оказалась.

— Но если ты слышала об этом, то должна была бы слышать и о Маресьеве, который летал на самолёте вообще без ног, и о других людях, с которыми судьба обошлась ещё более жестоко, чем с тобой, и которые не упали духом, а нашли в себе силы жить, творить и быть счастливыми. Труд, дорогая моя. Труд и вера в себя поставят тебя на ноги.

— Да? Хорошо вам говорить. У тех людей, может, родственники были, которые их любили, друзья. А мне теперь даже жить негде. Я не могу возвратиться домой, они не хотят выносить за мной горшки.

— Во-первых, мы еще не выписываем тебя из больницы. Ты будешь у нас еще, как минимум, пару месяцев. Потом я хотел порекомендовать тебе поехать в санаторий. Но перед санаторием на два-три месяца тебе надо будет вернуться домой. А во-вторых, горшки за тобой выносить не придется. Ты сама их выносить будешь, — Константин Николаевич подмигнул Наде, — я поговорю с твоими родителями, а там, глядишь, может, и наладится всё.

— Не надо.

— Что не надо?

— Не надо с ними говорить... Я сама.

— Гордая ты девочка. Трудно тебе придется. Но, возможно, именно гордость и поможет тебе выжить. Да, кстати, гинекологи тоже хорошо поработали с тобой. Так что всё у тебя будет хорошо. Ты встретишь свою любовь и родишь ему троих очаровательных карапузов...

— Правда? Почему троих? — Надя посмотрела на врача глазами, полными недоверия и надежды одновременно.

— Правда, и обязательно троих, — улыбнулся

он и пожал ей руку.

— Спасибо вам, Константин Николаевич.

— На здоровье.

«Эскулап» взялся за ручки коляски и сам покатил Надю в палату.

23

Сначала Надя поверила доктору. Она мужественно боролась со своим плохим настроением и отдалась лечению со всем энтузиазмом, на который была способна. Ежедневные уколы, процедуры, лечебная гимнастика стали входить в привычку. Результаты усилий пока не наблюдались, и девушка опять стала «гаснуть». Знакомств в больнице она больше не заводила, памятуя, к чему привела её предыдущая больничная дружба. Бабушка, а иногда и дед проводывали её два-три раза в неделю. Они, казалось, смирились с положением дел и даже стали жалеть внучку. Больше в больницу не приходил никто.

Через два месяца после разговора с врачом Надю выписали домой. Вернувшись в квартиру, где она провела счастливое безоблачное, как ей теперь казалось, детство, девушка сникла совсем. На улицу, чтобы не шокировать соседей, ей выходить, вернее, выезжать, запретили. Да и физически это

было совершенно невозможно сделать. Пандуса в подъезде не предусмотрели, а скатывать коляску по ступеням с третьего этажа старикам просто не под силу. Конечно, всегда можно найти решение. Ведь, как известно, если хочешь что-то сделать, то ищешь пути, как это сделать, не хочешь — причины, чтобы не делать.

Так девочка стала пленницей «своей» комнаты, которую ей выделили, и осталась там наедине со своими мыслями. Добрый доктор Константин Николаевич оказался прав. Горшки за ней никому выносить не пришлось. Надя научилась сама справляться со своими природными надобностями. Она, ловко подтягиваясь на руках, могла сама пересадить себя с инвалидного кресла на кровать, на стул или на унитаз. Старики заходили в её комнату все реже: им было больно и неприятно видеть прикованную к креслу внучку с постоянно красными от слез глазами. Сначала Надя со всей ответственностью взялась за выполнение ежедневных физических упражнений. Следила за чистотой в комнате и «заставляла» себя не унывать, как советовал ей доктор Константин Николаевич. Позже, не наблюдая никаких улучшений своего физического состояния, переключилась на чтение книг. Все равно каких, лишь бы не думать о Тамаре, тех четырёх уродах и своих неподвижных ногах. В комнате появились кучи нестиранной одежды,

стопки разбросанных книг и грязные тарелки с остатками еды. Родственники все реже и реже заходили в её комнату, она все реже и реже выходила из нее.

Однажды Мария Ивановна, ужаснувшись состоянию комнаты, не сдержалась и высказала свое «фе».

— Надежда! Ты что себе думаешь? — возмутилась она. — Развела такой срач. У нас слуг нет. Давай-ка поднимай свой зад и уберись здесь.

— А я не могу поднять свой зад, как видишь.

— Так надо было меньше с бл...ми водиться и с мужиками трахаться, и ничего бы не случилось. И всё бы тогда поднималось.

— Ты так и будешь меня этим всю жизнь попрекать?

— А ты что же думаешь... За свои ошибки надо платить.

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько я вам должна заплатить, чтобы вы оставили меня в покое?

Обида захлестнула девушку. Эта же обида и ощущение собственного несовершенства удручали и Марию Ивановну. В душе она понимала, что Надя не виновата, что её надо бы пожалеть и помочь ей. Но сил на это не было. Гораздо легче было выплеснуть собственные чувства, не считаясь

больше ни с чем.

— Я что, хотела? Да? Ты думаешь, я хотела этого?! — закричала Надя во весь голос. Она уже несколько месяцев копила в себе обиду и замыкалась в своём горе. Сейчас был повод избавиться хотя бы от толики этого унижительного чувства, чтобы голову не разорвало на части. — Я хотела вас избавить от себя. Так зачем меня спасли? Я что, просила меня рожать? Я что, просила меня спасти? Что вы все от меня хотите? Оставьте меня в покое!

Она швырялась всё новыми и новыми вопросами, на которых ни у кого не было ответов. Да они и не требовались. И так все понятно, ничего этого она ни у кого не просила. Другие принимали за неё решения, даже такие важные, как жить или умереть.

Мария Ивановна не могла дольше находиться в этой комнате. Покидая её, она что есть силы хлопнула дверь. Девушка вздрогнула, как от внезапного грома. «Всё. Точка. Больше не могу».

24

Решение, как часто бывает, пришло само, неожиданно, вечером того же дня. Надю решил проведать бывший начальник линейного привокзального отдела милиции, бывший старший

лейтенант Малеваный. На прошлой неделе он получил капитана и должность в отделе внутренних дел. И теперь, находясь в приподнятом настроении, готовый совершать добрые дела, шёл проведать девочку. Картина, которую увидел милиционер, повергла его в ужас.

Мария Ивановна и Николай Гаврилович грустили на кухне, и состояние их было далёким от счастливого. Покрасневшие глаза, распухший нос — что ещё более красноречиво может выдать секрет: женщина плакала. Растерянность и страдание корёжили лицо ветерана.

— Доброго дня вам. Что случилось? Что-то с Надей?

— Да какой он добрый... день этот... Сил больше нет никаких. Заберите от нас это чудовище, — из глаз Марии Ивановны опять покатались слёзы, — за что нам такое наказание...

Капитан прошёл в квартиру и дернул дверь, ведущую в Надину комнату. Она оказалась запертой.

— Надя, открой. Это я, Анатолий Иванович. Малеваный.

Тишина в ответ.

— Прошу тебя, открой, поговорить надо.

— Оставьте меня в покое... Все... Не о чём мне с вами говорить... Уходите.

— Надя, я хочу помочь, открой.

Дверь неожиданно резко распахнулась, и он увидел Надю. Спутанные космы свисали на глаза и щеки. Вернее, щёк как таковых не было. Она была худа до изнеможения. На лице только рот и огромные, наполненные злостью, ненавистью и безысходностью глаза. Воздух в комнате был спертый, пахло всем, только не тем, чем должно пахнуть в комнате у восемнадцатилетней девушки, — духами, фруктами и конфетами. Везде валялись книги, гантели, лекарства, одежда.

Малёванный, сделав вид, что не заметил бардака, царившего в комнате, сказал:

— Я хочу помочь тебе.

— Ну так помогите. Заберите меня отсюда, чтобы я не мозолила глаза этим людям, — и, помолчав, тихо добавила: — Или убейте, потому что сама я уже не смогу... понимаете, — неожиданно заорала она, — и жить не могу! И умереть не могу!

Дверь резко захлопнулась, и что-то внутри комнаты заскрежетало.

— Надя! Опять закрылась, — растерялся на минуту капитан. — Я сейчас схожу к её лечащему врачу, — сказал он, обращаясь к родственникам, попрошу у него направление-путёвку в санаторий. Пусть подлечат её. Она успокоится. А там посмотрим...

— Спасибо, — выдавил из себя Николай

Гаврилович. Мария Ивановна сидела за столом, отвернувшись к окну, и даже не взглянула на милиционера.

— До свидания, — проронил капитан и тихо вышел, оставив на столе пакет с фруктами и сладостями для Нади.

Следующую неделю девушка выезжала из комнаты только по ночам, чтобы сходить в туалет или вылить из горшка то, что накопилось за день. К пище, которую готовила Мария Ивановна, она не притрагивалась. Забрала только пакет, который принес ей капитан. Мария Ивановна пробовала поговорить с внучкой, даже пыталась извиниться, но ответом ей было гробовое молчание. Она, вздыхая и вытирая слёзы, отходила от запертой двери несолоно хлебавши.

В понедельник, взломав дверь Надиной комнаты, её вынесли на носилках и увезли на скорой в ближайший санаторий «Рассвет» — дешёвый пансионат для рабочих, нуждающихся в том, чтобы поправить здоровье или провести отпуск.

25

Санаторий находился в очаровательном месте на берегу большой полноводной реки. Вокруг лес. А сейчас, во второй половине августа, здесь было

особенно красиво. Сосны, стройные, как мачты кораблей, казалось, поддерживали лёгкие облака, чтобы они не опустились на землю. Яркое, но не палящее солнце создавало ауру комфорта и уюта. Ели топорщили свои зелёные меховые рукава. Лиственные деревья радовали окружающих яркой зелено-жёлто-красной палитрой красок. Никто не мог остаться равнодушным к такой красоте. Никто, кроме Нади. Она полностью ушла в своё горе и накрепко закрыла за собой все «двери», «окна» и даже «маленькие форточки», соединяющие её с внешним миром.

Малёваный и Коваленко уговорили главврача санатория, Богатырёва Игоря Васильевича, выделить для девушки комнату где-нибудь на первом этаже, чтобы она могла сама выезжать на улицу. Эти два равнодушных человека даже подружились. Иногда собирались вместе, чтобы выпить по пивку и обсудить, как лучше помочь девочке. Главврач сначала упрямился:

— Мы будем вывозить её. Не переживайте. У нас для этого специальный персонал есть. А эта комната, о которой вы говорите, нежилая. Это что-то вроде кладовой и туалета. Девять «квадратов», разве она сможет там жить?

— Вы не понимаете, Игорь Васильевич. Она не хочет быть обузой. У этой девочки гордости на пятерых заложено, а её, бедную, всю жизнь

попрекают, что она кому-то жить мешает, понимаете? — объяснял коллеге Константин Николаевич. — Девять метров? Да это для неё целый дворец!

— Ей надо дать возможность всё делать самой, — вступил в разговор капитан, который был абсолютно согласен с доктором, — чтобы она поверила в себя, чтобы стала нужна сама себе.

— Неужели все так плохо? — сомневался Бондаренко. — Молодая, красивая девочка...

— К сожалению...

— И ещё, — милиционер внимательно посмотрел на главврача, — я хочу обратиться в горсовет, чтобы ей выделили эту комнату как квартиру и разрешили здесь жить. Нельзя ей возвращаться к родным. Платить за неё она будет из своей пенсии, которую получает по инвалидности, а вас, Игорь Васильевич, я хотел попросить: поддержите меня, пожалуйста, и если это возможно, присмотрите для неё какую-нибудь работу в санатории.

— О господи, вы просите о невозможном. Какую же работу я могу присмотреть для человека, который не встаёт из инвалидного кресла?

— Но ведь руки-то и голова у неё рабочие. Пусть что-то шьёт... Пишет... Считает... Ну, не знаю... старшей «куда пошлют»...

— Да уж, пошлешь её... Но вы правы,

коллега. Девочку жалко. Я подумаю.

— Спасибо вам большое. Мы с капитаном будем навещать её. А вы, если что надо, тоже не стесняйтесь. Обращайтесь.

Мужчины, пожав друг другу руки, разъехались по своим рабочим местам, а Надя осталась сидеть в своем кресле посреди пустой комнаты, безучастная ко всему. За неё опять кто-то принимал какие-то решения, устраивал её судьбу совсем не так, как бы ей самой хотелось.

Первую ночь в своём новом жилище она так и просидела в кресле, не сомкнув глаз. Внутри груди болело так, что ей было больно дышать. Ей хотелось заплакать, но глаза, как пески пустыни Сахара во время засухи, не пролили ни одной, даже самой скупой слезинки. И только под утро, когда через открытое окно в комнату ворвался свежий ветерок, она пошевелилась и посмотрела перед собой.

Глубоко вздохнула. Никто её вчера не потревожил. Неужели наконец-то все оставили её в покое... на целый месяц... Хорошо... А потом что? Да ладно... может, за месяц что-нибудь случится...

И случилось...

26

Она жила в этом санатории вот уже десять

дней и хоть не стала общительней, но, как минимум, перестала прятаться от людей. «Ходила» на процедуры, где встречала людей, которые, пусть и не были в инвалидных креслах, но ходили на костылях или с палочкой, обедала в столовой, выезжала во двор. Однажды она увидела двух дородных девиц, которые, как Надя подозревала, направлялись к ней. Она уже собралась скрыться от них в своей спасительной комнатке, когда услышала:

— Привет, я Зина.

— А я Валя.

— Надя.

— Ты нас помнишь? Мы на ваннах работаем, санитарки мы.

— Помню, — Надя отвечала нехотя, но быть совсем невежливой стыдно, ведь эти девушки не сделали ей ничего плохого.

Валя и Зина были подружками. Обеим было слегка за двадцать. Обе жили в ближнем к санаторию селе Воронцы. Учились в одной школе, которую окончили «с грехом пополам» с разницей в один год. Теперь вместе ездили на работу в санаторий. Они даже были похожи. Обе грубо скроенные, круглолицые, с залезанными назад волосами.

— Вот, — Валя стала доставать из сумки, что висела у неё на плече, пол-литровую баночку с

голубцами, ещё одну с котлетами, кулёк с огурцами и помидорами. В это же время Зина достала хлеб, колбасу и бутылку вина с яркой этикеткой, на которой красовалось название — «Золотая осень».

— Что это? — удивилась Надя.

— Та у Зинки именины сёдня, а мужик ейный, сатана, выпить не даст... вот мы и решили к тебе прийти отпраздновать, — объяснила Валя.

— Ты же не против? — Зина умоляюще посмотрела на Надю.

У Надежды, глядевшей на такой пир горой, рот наполнился слюной.

— Нет, не против... только....

— Та не переживай, все будет нищак.

Санитарки живенько размотали и нарезали колбасу, хлеб и разлили вино по стаканам, которые тоже принесли с собой.

— Только я не пью... вина, — пыталась отказаться Надя от выпивки, — а вот голубцы... я уже несколько лет голубцов не ела... а что такое «нищак»?

— Ох, темнота-а-а... «Нищак» — это «хорошо», «клёво» по-нашему, а вино это детское... легкое. Вот, давай. Нельзя отказываться. У человека ж день рожденья. Чтоб Зинка наша была здоровой, надо пригубить...

Валя и Зина опустошили свои стаканы. Надя глотнула крепкий тёрпкий напиток, скривилась и

поставила стакан на стол.

— Ни-ни-ни-ни... — запротестовала Зина, — первый до дна, — и она всунула Наде в руки стакан и заставила выпить всё, что в нем было.

Странно, но минут через десять Надя почувствовала, как боль в груди, которая не отпускала её вот уже почти год, приутихла. Голова, правда, немного закружилась, но это тоже было, скорее, приятно, чем нет. Девушки накинудись на еду. Когда вино в бутылке закончилось, а стол опустел, подружки засобирались.

— Ой, автобус бы не пропустить, — заспешили селянки, — а то Мишка убьёт потом...

— Да, девочки, идите. Я сама уберу. И... спасибо вам...

— Да нам чё... А то ты всё сама, да сама... Мы и завтра зайдём, ладно?

— Ладно.

Надя впервые за последний год улыбнулась.

В эту ночь она спала без задних ног. Непонятное какое-то выражение. Ведь у человека нет ног «задних», и даже «передних» ног нет, но, как говорится, из песни слов не выбросишь, и поскольку именно из-за ног Надя спала плохо, то она так и подумала утром, когда проснулась: «Я спала без задних ног». Из-за них, из-за своих ног, она постоянно была в состоянии депрессии. А как тут не будешь в депрессии, когда тебе вот только

должно исполниться восемнадцать лет, а ты не можешь ходить. И, кроме того, если во сне захочется повернуться на другой бок, то приходится полностью просыпаться. Руками помогать ногам принять удобное положение, и уснуть после таких процедур бывает довольно трудно. Но в этот вечер Надя, в первый раз за долгое время, чувствовала себя хорошо. В груди не болело так сильно. Нет, боль не прошла, но её как будто затёрли ластиком. Размазали по телу, как масло по хлебу. Она не была такой концентрированно острой, и, кроме того, в голове шумело, а это мешало думать о ногах, которые не желают ходить, о сломанном позвоночнике, который, собственно, и был тому причиной.

На следующий вечер Зина и Валя пришли снова. На этот раз Зина принесла бутылку собственноручно выгнанного самогона. Закуску собрали с санаторного обеденного стола. Выпивали за знакомство, за то, чтобы Надя вылечилась и снова стала ходячей. За то, что Зинку вчера муж не ругал, а даже подарок подарил: набор кухонных полотенец.

И Наде опять было хорошо. Правда, наутро немного подташнивало, кружилась голова и совсем не хотелось идти заниматься лечебной физкультурой. Но зато не было так страшно, когда она думала о том, что её ждет в будущем и есть ли у

неё это будущее вообще.

Так и шли дни за днями, недели за неделями, месяц за месяцем...

27

В столовой санатория «Рассвет» время от времени кто-нибудь из заводских боссов отмечали свои юбилеи. На середину сентября была намечена свадьба дочери главного бухгалтера приборостроительного завода «Подшипник».

Оксана, так звали невесту, окончила школу в том же году, что и Надя. Учиться ей не хотелось, а вот замуж хотелось очень.

Её выбор — Вадим Мельниченко — не вполне устраивал родителей Оксаны. Его родители всю жизнь проработали на заводе простыми инженерами. Подумаешь, какая-то там «прослойка интеллигенции». Не чета им — Воскобойниковым. Вероника Матвеевна — главная по деньгам завода, а отец Оксаны — так и вообще директор продовольственного рынка. Тоже можно сказать, что главный по деньгам рынка. Но Оксана «встала в позу». Люблю и точка. Делать нечего. Не отказывать же любимому «дитятку» в красивой игрушке? Сам Вадим оканчивал Государственный университет и имел репутацию подающего большие надежды юриста.

Прикинули родители и решили: в семье, где все «главные по деньгам», свой юрист просто необходим. И согласились. Свадьбу назначили на сентябрь.

— Тук-тук-тук. Кто в домике живет? — Анатолий Иванович в прекрасном расположении духа постучал в Надину комнату.

— Войдите, — ответил ему на удивление звонкий голосок.

Капитан вошёл в комнату и удивился. Комната приобрела жилой вид. На полу лежала дорожка — подарок Вали. Над кроватью небольшой коврик — Зина принесла. Там же — фотографии советских актеров Александра Абдулова, Олега Янковского и Фаины Раневской — модно так. На столе — маленькая электрическая плитка и чайник. Это девушки купили Наде по её просьбе. Он так обрадовался, что даже «простил» ей довольно стойкий запах алкоголя. Мало ли, может, праздновала девушка что-то...

— А я к тебе с хорошей новостью, Надюша.

— Какой же? Меня последнее время все балуют хорошими новостями.

— Кто это все?

— Вы первый рассказываете. Что за новость?

— Ох, ты какая хи-и-итрая... Ну ладно. Я тебе принес ордер на эту комнату.

— На эту комнату? Ордер? Это значит...

— Так точно. У тебя теперь вполне официально есть своя собственная комната. Правда, пока только на 5 лет. Но, во-первых, 5 лет — это большой срок, а во-вторых, я думаю, что мы её потом совсем отвоюем.

— Ура-а-а-а!!! — обрадовалась Надя. — Вот спасибо. Это надо отметить. Вы самогонку пьете, Анатолий Иванович?

— Самогонку? Бывает, что и пью. А откуда у тебя самогон?

— Это девочки, что на ваннах работают, принесли. Зина сама гонит. Они приходят ко мне. Зина и Валя. Мы дружим. Я у них теперь кастеляншей работаю. На полставки.

— А-а-а, ну дружите. Конечно. Только водкой-то не увлекайтесь, ладно?

— Ой, да ну вас, Анатолий Иванович. Мы же по чуточке...

Надя подкатила себя к большой алюминиевой кастрюле, которая стояла под столом, и достала оттуда угощение. Ела она мало, и все то, что раньше оставалось после обеда на столе, теперь заворачивалось, забиралось и складывалось в эту кастрюлю для закуски.

— Вот, холодильник еще купить надо. Думаю, из трёх пенсий смогу собрать на первый взнос в рассрочку. Валя и Зина купят, а Зинын муж поможет привезти, — по-хозяйски рассуждала

девушка. — А вы ж это чего просто так стоите, наливайте... Комнату-то обмыть надо, а то счастья не будет.

— Кстати, Надя, о пенсии. За комнату бухгалтерия будет отчислять, что положено. И после того как закончится твой курс лечения, ты можешь покупать у них путёвки и питаться здесь постоянно, если хочешь. А можешь и сама готовить, я смотрю, ты и плиточкой разжилаась.

— Что сами отчислять будут, хорошо. Мне ходить на почту платить будет трудно. А плитка? Вот дала девочкам деньги, они мне и купили.

Малеванный видел, что плитка не новая, почищена, вымыта, но не новая. Обманули подружки Надю, но ничего не сказал. Жалко было портить ей настроение. Он впервые видел её такой весёлой и разговорчивой.

— Ну что, за мою комнату? Спасибо вам, Анатолий Иванович, — и Надя залпом выпила то, что Малеванный разлил по стаканам. Он внимательно посмотрел на девушку и выпил тоже. Молча.

Потом отдал Наде ордер на комнату, пакетик с конфетами и, погрозив пальцем:

— А с водкой не балуйся, — вышел.

«Ну что ж ты ко мне привязался-то...»

Опять сон, и снова не поймёшь, ночной кошмар это или явь.

Как будто идет она по берегу реки, своими ногами идёт, по колени в воде, а за ней неотступно следует Эйнштейн. Он ничего не говорит, только ей очень неприятно, оттого что он преследует её.

«Хоть бы сказал что-нибудь, что ли... — сердилась Надя, — что толку вот так, молча, ходить за мной?»

Она попыталась убежать. Ей казалось, что она бежит быстро-быстро. Даже воздух сопротивлялся её стремительному бегу, становился таким плотным и тягучим, но, оглянувшись, она опять видела его, идущего за ней спокойным шагом.

Проснулась. На душе беспокойно. Грязно как-то. Дышать тяжело.

«Наверное, надо форточку открыть, душно как-то».

Упершись руками в кровать, села. Во рту пересохло, голова кружилась, и почему-то было стыдно.

«Нет, не хочу... не хочу ни о чём думать... зачем всё? Всё равно ничего не получится... Ни-че-го... Это только в книжках да в кино хеппи-энд бывает, а в жизни...»

Она потёрла руками по своим бесчувственным бёдрам. Потом, придвинув к себе поближе

инвалидное кресло, перенесла в него свое тело.

Посетив туалет, подъехала к алюминиевой кастрюле. Открыла её и достала оттуда бутылку водки.

«Нет, не буду, сопьюсь еще», — она поставила бутылку на место и закрыла крышку. Вздохнув, направилась к кровати, но, не доехав, развернулась и быстро, чтоб не передумать, поехала назад к заветной кастрюле, по дороге прихватив со стола стакан. Опять достала бутылку, налила полстакана водки и залпом выпила.

«Уф-ф-ф...»

Надя так и осталась сидеть, держа в одной руке бутылку, в другой — пустой стакан. Через несколько минут «лекарство» подействовало. Мышцы расслабились, в голове зашумело, и девушка, глубоко вздохнув, заткнула бутылку пробкой и поставила её назад в кастрюлю.

Рассвет застал её сидящей в своём кресле.

«Сегодня в санатории у кого-то свадьба, — подумала девушка, — а у меня день рождения... восемнадцать лет... кошмар...»

Внезапно Надя разволновалась. На глаза навернулись слёзы. Ей стало ужасно жаль себя, всеми брошенную и забытую калеку, руки задрожали, дыхание стало прерывистым, и она неожиданно захлебнулась слезами.

«О господи! Люди женятся. Они счастливы...